

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Низушка айсберга

Мария Фомальгаут
Низушка айсберга

«Издательские решения»

Фомальгаут М.

Низушка айсберга / М. Фомальгаут — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908775-1

С драконами придется сражаться, с призраками... дракона-то видели?— Видели, — шепчет бледнолицая худышка, Гришинский про себя прозвал ее Сосулей, — в кино.— Ну, в кино... а в жизни не доводилось?— Да... как-то нет...— Что ж вы так... хоть бы в зоопарке, что ли, глянули, я вот прошлой осенью лицензию получил, и с ружьишком в лес... на дракона... Девчонки смеются, это хорошо, есть контакт... шикарная блондинка ржет как лошадь, видно, душа компании...

ISBN 978-5-44-908775-1

© Фомальгаут М.
© Издательские решения

Содержание

Ка-Эс	6
Мы платим за ваши мозги	13
Колючка	18
Будущее, которого нет	24
XXI-DLV-MMMM транзит	30
DLV век	30
XXI век	31
MMMM век	32
XXI век	33
XXI век – DLV век	34
XXI век	35
MMMM век	36
XXI век	37
DLV век	38
XXI век	39
XXI век – DLV век	41
XXI век	42
MMMM век	43
XXI век	44
DLV век	45
XXI век	46
DLV век	47
MMMM век	48
XXI век	49
XXI век – DLV век	50
Запчасти	51
Хранить вечно	56
Занавес	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Низушка айсберга

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-8775-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ка-Эс

Задавит на хрен...

Рюха падает на обочину – еле успел, жигуленок пронесется мимо. Да что б тебе в столб врезаться ко всем чертям... Не-ет, в первые дни последних дней так не было, тогда было – один за всех, все за одного, и только посмей не остановиться, если кто-то вот так стоит на дороге... женщин вперед, детей вперед, все при всем... Только это было в начале, а ближе к концу...

Пронесится битком набитый автобус, Рюха бессильно стучит по корпусу, откройте, гады, откройте, хоть до деревушки какой довезите... Хватается сзади за лестницу, лестницы нет, ну еще бы, это же тебе не троллейбус...

Пыль на дороге.

Первый колючий снег.

Падают в ночи последние звезды.

Шоссе выпускает еще одну машину, матерый джипище, Рюха обреченно вытягивает руку, да тут хоть под колеса упади, не остановится...

Джип тормозит, делает в снегу лихой пируэт, в окошке светлеет холеное лицо.

– Слушаю вас, молодой человек.

– У меня это... машина сломалась...

– Ничем не могу помочь, я не механик.

– Да нет... это... подвезите...

– Куда?

– Ну... куда сами едете. К Цели.

– С чего вы взяли, что я к Цели еду?

– А сейчас все к Цели едут, куда еще-то...

– Тоже верно... ну что же... садитесь.

Екает сердце. Вот что последние дни с людьми делают... Месяцок назад дядька бы этот переехал Рюху, не остановился бы.

– Ага... я только... подругу свою приведу...

– И еще человек двадцать... – холеный смеется, – знаем этот трюк...

Рюха спешит к разбитой Оке, на обломках стекла еще светлеет – Очень Крутой Автомобиль. Даже слишком.

– Тю-юш!

Из темноты машины показывается человеческий череп.

– Чего, Рюха, свет не без добрых людей?

– Ну... давай скорей.

Тюша бежит за Рюхой, на бегу теряет что-то, вот, надо же, руку потеряла... Да запахнись, запахнись ты в плащ, а то этот холеный тебя увидит, выгонит нас в три шеи...

Джип мягко трогает с места, вдоль дороги тянутся мертвые пески, растрескавшаяся земля, подернутая инеем, черный высохший лес. Рюха вспоминает эти места – медленно, неловко, вроде бы Новосибирском пахнет, вот он, за холмом должен быть... Рюха ищет Новосибирск, не видит, вот те на...

– Вот те на, целый город пропал... был, и нету... – кивает холеный, будто в ответ Рюхиным мыслям.

– Ну... а я как бы это... видела, как целая деревня пропала... вот так... в небо взлетела... и пропала, – верещит Тюша.

Рюха сжимает зубы. О-ох, помолчала бы, и так несет от тебя, как с помойки, а изо рта и вовсе...

– Да, вас как звать-то... молодые люди? – холеный недовольно шурится.

- Рюха он, а я Тюша.
- Рюха мысленно хлопает Тюшу по тощей спине.
- Это что ж за имена такие?
- Катюша она... Катерина Степановна... а я Кирюха... Кирилл Семенович...
- Вот оно что... а я, значит, Константин Сергеевич буду... оч-ч приятно...
- Брезгливо поводит рукой, намекая, что не очч-ч-то ему и приятно. Рюха кусает губы, нда-а, что мой эту Тюшу, что не мой, один хрен... еще и духами напыскалась...
- Ка-Эса не видели? – глухим шепотком спрашивает Константин Сергеевич.
- Рюха вздрагивает, Тюша пугливо крестится. Надо же, крестится...
- Да... вроде нет, как бы... – бормочет Тюша, – черт его пойми...
- Это точно, только черт его и пойми...
- Вроде в Москве он, говорят...
- Москвы нету уже.
- А что так? – у Рюхи холодеет спина.
- Земля поглотила.
- Да он во всех городах... крупных. Ка-Эс этот.
- Это верно... к Цели, значит, едете... про Цель-то откуда узнали?
- Ну... – Рюха смущается, сам не знает, откуда – просто... знал...
- Это точно... Все мы... просто знаем...

И даже не так. Рюха не знал – Рюха верил, в последние дни только и оставалось, что верить, когда уже никто ничего не знал. Не может быть, чтобы никто не предвидел, что будет так, последние дни, звезды, падающие с неба, не может быть, чтобы никто ничего не делал, не может... Рюха искал – когда никто уже не искал и не веил, искал то, что нельзя было найти, покупал втридорога из-под полы какие-то карты, координаты, которые через пару дней оказывались ложными...

Джип мягко притормозил на повороте.

– Парень... как ты там... Рома... Вон, озерцо какое-то, хоть водички принеси...

Рюха поплелся к озерцу, по груди снова разливался холодок, вот сейчас спровадит Рюху, вышвырнет Тюшу из машины, поедет дальше... или еще что сделает... На берегу обернулся – джип все так же чернел в темноте вечной ночи, поблескивал фарами. Рюха зачерпнул рукой воду, вздрогнул, отряхнул руку.

– Ну чего там? – Константин Сергеевич посмотрел на Рюхину руку, поморщился.

– Кровь.

– Ага, вижу, кровь... задолбали... и треть воды на земле... обратится в кровь... Реки, озера... Байкал... Волга... хоть бы лужа какая, чтобы не кровь...

– А я как бы это... видела... люди в храме молились... А тут из-под земли демоны вылезли... и рвать их начали...

– Эта легенда еще со времен инквизиции ходит. – фыркнул Константин Сергеевич.

– Да я видела...

– О-ох, ч-ч-ч... Ну кто так строит... в России две беды...

– А вы... – Рюха почувствовал, как голос его не слушает, – вы... точно знаете... где Цель?

– Еще спрашиваешь...

Рюха посмотрел на холеного дядьку. Да, такой знает, где Цель, такой давно уже все знал, вкладывал активы, миллионы, миллиарды, парни, вы мне к последним дням все сделаете, или я вас самих так сделаю... Такой давно уже купил билет, одно странно, почему он до сих пор здесь, на земле, которая еще не умерла, но уже не живет.

– А у меня координаты есть, – ляпнул Рюха, зачем ляпнул, можно подумать, у этого холеного своих координат нет...

– А это, – холеный посмотрел на бумажку, – можешь в туалет с собой взять. На большее не тянет. Блин, в переходе напокупают невесть чего, и верят. Еще бы этот... оберег купил, кто наденет, тот спасется.

Рюха чувствует, что краснеет. Так и знал, ерундой занимался... Дядьку бы этого не встретили, вообще бы не туда приехали... на пустое место... да и теперь на пустое место можем приехать...

Может, и нет никакой Цели...

Мертвые заросли шуршат, шевелятся, сами, без ветра, что там опять за дрянь... Рюха не любит, когда шевелятся заросли, вот так же шевелились, когда шел мимо кладбища, тогда еще без Оки, без всего, вот так, сам по себе, еще думал, заночевать где-нибудь, да какое заночевать, пока ночевать будешь, Цель и уйдет, и небо обрушится на землю, и...

Ну да. Шел мимо кладбища, тогда еще не знал – что мимо кладбища, просто догадывался – нечисто что-то, когда слышал в черных зарослях вздохи, шорохи, шепотки... Спыхватился – когда на дорогу выпало нечто, грязное, наполовину истлевшее, стряхивающее с себя комки земли.

– Мол-чел-ловек... – костистые руки потянулись к Рюхе, – р-рубля не будет?

Рюха поморщился, мертвые, а туда же... Вспомнилось что-то давно забытое, дедов говорок – из прошлого, из детства:

– ...это когда мертвые из могил встанут...

– Ой, хватит на ночь глядя... про мертвых из могил... – мать протирает стол, косится на Рюху, как бы ему голову вымыть сегодня, Рюха бочком пробирается к двери, как бы удрать, потому что не надо ему голову мыть, ни сегодня, ни вообще никогда...

Было... когда эта тварь плелась за Рюхой, мертвая, смрадная, и не побежишь, нет сил бежать, идти уже и то – нет сил. И главное, знает Рюха, не помогают тут никакие серебряные пули и ладанки, нет спасения. Кончилось время людей, и так долго земля терпела... и поздно уже – исправляться, замаливать, просить прощения, обнимать врагов и переводить бабушек через улицу... На всякий случай шептал что-то, Отче Наш, а как там дальше, Рюха не знал.

Вспомнил – когда что-то темное, мохнатое свалило Рюху на дорогу, откуда столько прыти у этой твари, а, это не та тварь, это собака, много их тут, голодных, вот черт, ножичек где, ножичек... Хватка ослабла, пес кинулся на кого-то там, в темноте, бежать, бежать, пока он рвет эту мертвечину... И сама собой тянется рука к ножу, и сама собой – клинком по мохнотому горлу...

– А гляди, как она мне ногу, – нежить показывает глубокую трещину на бедренной кости.

– До свадьбы заживет, – кивает Рюха, – спасибо... ловко ты псину эту...

– Это ты мне предложение делаешь? Про свадьбу?

Рюха смотрит на лохмотья на трупе, остатки платья, когда-то атласного, вот черт...

– А ты куда, в Томск идешь?

– В него, – кивает Рюха.

– Не ходи, там нечисто... лучше крюк сделать...

Рюха кивает. Тварь плетется за Рюхой, ну что тебе надо-то, иди в свою могилу... или повыгнал вас всех Ка-Эс этот...

– А тебя как зовут?

– Рюха я. Кирюха.

– А я Тюша...

– Это что за имя такое?

Было... Черт принес Рюхе эту Тюшу, да кто как не черт... Сколько уже отмывал ее, все без толку, моешь, с нее куски гнилого мяса падают...

Джип замирает, Рюха смотрит вперед, морщится, через дорогу, шелкая по асфальту, вереницей скачут кладбищенские кресты.

– Давай живее... тут вообще перехода нет, на хрена поперлись, – шипит холеный.

– Ой, не кричите на них, а то на нас еще кинутся...

– Вы меня, молодой человек, еще строить будете?

Рюха кусает губы, на хрена ляпнул... Джип набирает скорость, вот это машина так машина... Чш, чш, не про машины надо думать, машину с собой туда все равно не возьмешь... хотя кто знает, этот, может, договорился, и джип свой туда, и яхту, и виллу... Фыркает радио, давится собственным звуком, плюется новостями, шипит.

– По последним... ш-ш-ш-ш-ш-население пла-ш-ш-ш-ш-сократилось на треть... Как сообща-ш-ш-ш-ш-яркость солнца умен-ш-ш-шш-шестьдесят про-ш-ш-ш-...

– И треть людей умрет, и солнце на треть померкнет... – бубнит холеный, – о-ох, продрали землю... продрали... Думали, после нас хоть потоп... а вот не после нас... все поколения так думали...

Рюха сжимает зубы. Какая-то злость берет, неужели все, неужели ничего не сделать... Ладно бы там война какая или эпидемия, там еще можно, воевать, лечить людей, восстанавливать разрушенные города... а тут что... Что тут сделаешь, когда людей не осталось... Вон, Тюшу подобрал... хотя нет, за Тюшу Рюха в аду будет гореть, с нежитью связался...

С-суки...

Рюха не понимает – что случилось, что там клацает по стеклам, почему дядька швыряет Рюху на дно салона, пригнись, мать твою, пригнись, Рюха успевает заметить откуда стреляют – из матерого джипа, вот он, за легким туманцем...

Люди замирают. Все, как один, смотрят на север, на север, где болотце, что там шевелится, что оттуда лезет... рогатое... мохнатое... сверкает кошачьими зрачками...

– Рогатое, хвостатое, рогом проткнет, хвостом починит, – голос дедушки из детства, – это что?

– Черт, – лопочет Рюха.

– Тьфу на тебя, черт, иголка с ниткой.

Черти выбираются из болота. А вот не иголка, а вот не с ниткой, а вот черт... Рогом проткнет, и не починит...

Мохнатые твари с визгом бросаются на людей...

Память...

Рюха ее не зовет, она сама приходит, наваливается... Короткий привал в пустом доме, в пустом городке, скрипучая кровать, что-то черное проносится за окнами...

– А я это, как бы... видела... машины по проспекту едут, а из земли лапища такая черная, и хоп, машины хватает...

– Ты спать будешь, или нет?

– Да мы-то не спим... отоспали свое уже...

– А мы еще нет, мы живые еще...

– А-а-а, прости, я и забыла... а я это... я же как, такая иду вечером домой, а в переулке шпаны до хрена... и сумочку дергают... а у меня там зарплата, восемь штук...

– Нехило получаешь...

– Тьфу на тебя, сама знаю, деньги позорные... Мне бы сумочку отдать, а я, дура, схватила, ору... они меня ножичком и по горлу...

И что?

– И все... знаешь, страшно так, как со стороны смотришь, как гроб твой несут, мама плачет, Тюша, Тюша, я ее дергаю, да вот же я, она меня не видит...

– Ты мне спать не дашь, я тебя убью.

– А-а, попробуй... убивали уже.

Рюха чувствует, что краснеет.

– Родителей, что ли, поискать... – вспоминает Рюха, – тоже в сырой земле... Это в Питер переться...

– Да брось ты, сейчас все там... к Цели идут. Там и встретитесь...

К Цели... Рюха вздыхает. Если есть она, эта Цель...

Рюха не понимает – что случилось. Рюха смотрит – как демоны догрызают что-то, что осталось от больших людей с большими деньгами, зыркают в сторону джипа, не подходят. Вот так, холеного этого увидели, разбежались...

– Это... к-как?

– Это т-так... – холеный посмеивается, сжимает три иконки, – знать надо... чего встали, поехали... или с этими останетесь...

Джип чихает, фыркает, дергается, замирает.

– Приехали, блин... – шипит холеный.

– Бензин?

– Какой на, хрен, бензин... все, откатали свое машинки...

– А как? – не унимается Тюша.

– Так... Свет есть? Нигде уже не горит. Компы сдохли? Сдохли. Телеки сдохли? Ну. Теперь и машин черед пришел... последние дни. Чего расселись, пешком пошли...

Рюха не понимает, как пешком, почему пешком, это же сколько идти... Рехнулся он, что ли, этот... холеный... Константин... Сергеевич... или как его... Пока идти будут, все и кончится...

Что-то проступает в тумане, Рюха видит, не понимает... бежит – к тому, в тумане, как в детстве, когда дед возил куда-нибудь, и Рюха выскакивал из машины, бежал вперед, зоо-па-а-арк, или там – ци-и-и-рк! – или там еще что...

Цель.

Вот она какая, Рюха ее по-другому представлял, да какая разница, какая она, Цель... Матерая ракетища, отсюда даже не видно, что ракетища – огромный цилиндр, множество входов, толпятся люди, интересно, здесь очередь, или как... сейчас проломится Рюха к двери, а ему – вас тут не стояло...

Да никого тут не стояло... столпились люди, смотрят на качков с автоматами, надеются – непонятно на что, что те, в Ковчеге, откроют двери...

Рюха подбирается к двери.

– Билет ваш.

Ага, по билетам все-таки...

– А... я... инженер.

– Очень рад, а я офицер запаса.

– Да вы не поняли, я там... если что... ковчег чинить могу...

– У нас есть кому ковчег чинить.

– Ну... не лишний буду...

– Гуляй, гуляй...

Люди, ободренные Рюхой, бросаются к дверям, трещит автомат, толпа рассыпается. Вот с-суки, хоть бы поверх голов стреляли... а тут нате вам, на поражение...

Ковчег... Знал Рюха, знал, давно уже все предвидели – по каким-то пророчествам, выстроили Ковчег – и не как в Роскосмосе строят, сегодня взлетело, завтра упало, а все при

всем, долетит... только некуда уже долетать... звезды все попадали... Ах да, он же в Рай полетит... или куда там... на Землю Обетованную...

Как всегда... давно уже знали... где-то там, в Бейдельбергском клубе, или как он там называется, все эти Рокфеллеры, Ротшильды, Мердоки, сэр, а вам какую каюту, с джакузи или с бассейном, а-а, с аквариумом у нас два было, уже Вандербильды забрали...

А нам как всегда... шиш... этим вот... Кто тут... женщины, дети ревут, женщины тоже ревут, старушонка какая-то с пушистым котом, кота-то зачем... Там уже все есть... всякой твари по паре... Рюха как во сне смотрит, как Константин Сергеевич роется по карманам, выуживает билет, охранники недоверчиво вертят цветную бумажку... девушка в форме вытягивается в струночку, разрешите, покажу ваш номер...

– Чего встал-то? Айда! Чего спишь, тебе говорю!

И Рюха не сразу понимает – говорят ему, машет рукой холеный, зовет...

– Со мной парень.

– Это... к-как?

– Это т-так... читать умеешь? Русским по белому в билете – сын мой, Лешка, Алексей Константинович...

– А-а... а он все... инженер...

– И что, и инженер... не всем же на сцене плясать, кто-то и думать должен... О-ох, хоть бы причесался, огород, что ли, охранял? Как там у Петросяна... сам ты пугало, я директор огорода...

Рюха идет за холеным, тут, главное, не забыть, что он теперь не Рюха...

– Сын-то мой помер, этот Ка-Эс никого не щадит... а билет на троих... там жена еще, жена тоже сгинула...

– А-а... Тюша?

– Охренел? Кто сюда нежить пустит... еще демона какого приволоки, их тоже жалко...

– А... к-куда летим?

– А он Ка-Эса подальше. Не боись, сюда не просочится... охрана следит... говорят, они на-днях парня какого-то застукали, у него на виске родинка, три завитушки, как шестерочки... его на клочки порвали.

– Охренеть можно.

– Не можно, а нужно...

Падают минуты, тают на мертвой земле.

Тюша ждет – где-то там, за холмами, за лесом, затаился Ка-Эс. Интересно, какой он... Говорят, на человека похож... Может, вон там, ходит вокруг Ковчега, ищет, куда бы забраться – Ка-Эс. Или вон припадочная какая-то тащит за руку чумазую дочурку, бьется кулаками в стальной корпус, ревет белугой, пя-а-а-ать лет, пя-а-а-ть лет, да откройте же, да сердца у вас нет... Или вон тот, сидит у дороги, тощий, как зубочистка, раскачивается из стороны в сторону.

Спускается ночь – может, последняя. Так непривычно, когда небо беззвездное. Тюша, дуреха, еще желания загадывала, когда звезды падали...

Ничего не сбылось.

И когда луна упала – тоже.

Народ потихоньку отползает от Ковчега, чует беду. Закрываются шлюзы, припадочная бьется о стены, кто-то сбивает ее точным выстрелом...

Вспыхивают огни.

Вздрагивает земля.

Тюша отползает назад, назад, ладонью в лужу, ч-черт, опять кровь... ч-черт, помянула все... Все стихает, даже демоны затаиваются – где-то там, там, даже кресты перестают стучать по дорогам.

Грохот рвет воздух, Тюша зажимает ладошками, что осталось от ушей. Лопаются истонченные перепонки, крови нет, какая-то мутная слизь... Рокот не утихает, видно, мертвец как-то иначе слышит, не ушами...

Ковчег рвет напополам небо, уходит – в беззвездную даль. Тюша смотрит, будто пытается разглядеть там Рай и Землю Обетованную...

– Красиво ушли.

– Ага...

Кто-то стоит рядом, за Тюшей, тоже чего доброго мертвечина, другой на Тюшу и не позарится...

– А то пойдем... там избенка какая-то притулилась... Айда, заночуем, пока там не занял никто...

– Ага...

– А то сейчас сама знаешь... кто первый хапнул, того и будет...

Тюша встает из дорожной пыли, оборачивается...

– Рюха, ты какого...

– Да такого...

Машет рукой.

– Чего... выперли, что ли?

– Да нет... сам я...

– Ты чего, с дуба рухнул, сам? На хрена тогда все?

– Да не знаю я... как-то... ты тут... земля тут... свалить-то оно... проще простого... так...

– Пьяный, что ли?

– Пьяный. Да я не поэтому... а вообще...

– С Ка-Эсом, что ли, сражаться будешь, супермен хренов?

– А что... – широко зеваает, скалит желтые зубы, – ты мне скажи, кто-нибудь пробовал?

– Да пробовали, говорят... Люди в него стреляют, замертво падают... мне одна девка рассказывала, как бы всей деревней его ловили, как бы все окаменели...

– Как бы... если бы... да кабы...

– Земля не родит...

– А засеять кто-нибудь пробовал? Вы хоть что-нибудь сделать пробовали, чтобы Ка-Эса этого не было? Хоть что-то... хорошее?

Рюха в бессильной злобе колотит по земле – по земле, на которой затаился Ка-Эс. Смотрит – в беззвездные пучины, где скрылся Ковчег. Рюха не знает, где Ка-Эс. Он еще не знает, как Ка-эс вошел в Ковчег, предъявил билет, выбирал себе каюту, а тут у вас холодно что-то, а вот это ничего, вот можете же подготовить, когда хотите... Рюха не знает – как ехал в джипе Ка-Эса. Рюха не знает – как Ка-Эс войдет в каюту и пристегнет ремни. Рюха не знает – как в первый день треть людей в Ковчеге умрет, и треть воды обратится в кровь, и треть батарей выйдет из строя. Рюха не знает – как в одну ночь на корабле исчезнут все...

Рюха не знает. Он никогда не узнает этого. Он идет к заброшенному дому, крутит ворот колодца – так, просто, наугад, надо же, вода, вроде бы еще утром здесь кровь была... Рюха смотрит из окна в холод ночи, за темные горизонты, где-то там затаился Ка-Эс – Конец Света.

Мы платим за ваши мозги

Рустам еще раз оглядел ряды сосудов, чем-то похожих на глиняные кувшины. Чего ради хранить это в кувшинах, как джиннов, ей-богу, еще бы печать какие-нибудь восточные-арабские прилепили.

Почему-то Рустам представлял себе все это иначе. Не так, но... какие-нибудь колбы, на худой конец – банки, да и вообще, странно как-то.

Ладно. Не его, рустамово, дело. Двадцать, двадцать пять, тридцать... сто пять. Сто пять штук. Это еще и бонус выпадет. Если у них только по-честному все. Без обмана.

Заверещал, надрываясь, телефон, этот единственный звук в тишине зала был почему-то пугающим.

– Компания ВИП слушает.

– День добрый...я тут... по объявлению.

Рустам тихонько кивнул. Ага, стесняется. Ничего... разговорим.

– Та-ак, очень хорошо, продолжайте.

– Вам тут... работники нужны.

– Нужны. Очень нужны.

– У меня незаконченное высшее... два курса...

– Гхм... ну вы же умный человек, верно?

– Да как вам сказать... мои работодатели так не считали.

Рустам снова тихонько кивнул. Уволили, не иначе.

– Много они в людях понимают... Сами виноваты, такой кадр потеряли... Вы это... чем в свободное время занимаетесь?

– Ну-у... всякое...

– Стихи пишете?

– Пишу.

– Вот видите, как... а говорите, не умный... все бы такие неумные были. Мы заплатим за ваши мозги. Очень хорошо... Офис наш на проспекте Ленина видели?

– Приходилось.

– Ну, вот и славненько, туда и подъезжайте к часу. Будем очень рады вас видеть. Нам нужны ваши мозги. Как вас зовут?

– Игорь.

– А меня Рустам, очень приятно. До встречи.

Короткие гудки. Кажется, что-то не так сказал. Ладно, не ошибается тот, кто ничего не делает. Рустам посмотрел на часы, присвистнул, что-то засиделся, ехать надо, туда на этот проспект пока доедешь, состаришься к чертям и зубы выпадут.

Рустам волновался. Он всегда волновался перед этим... этим... А казалось бы, всего и делов, встретиться, поговорить, день добрый, Рустам, очень приятно, и главное, слоган этот не забыть, мы платим за ваши мозги...

Еле-еле успел – до того, как собрались люди, как сбились в кучу в коридоре, их же там еще поддержать надо, строго процедить сквозь зубы – я вас позову, еще... Еще разложить на столе книги, развесить картины, пусть думают, что живем в этом офисе с самого сотворения мира, еще Адама принимали на работу, подписывали с Авелем контракт...

– День добрый. Проходите.

Широкая улыбка. Вот это главное, широко улыбаться, люди это любят... Заходят – бочком-бочком, все какие-то потрепанные, побитые жизнью, как будто стесняющиеся самих себя. Вот у этого сто пудов высшее, этот вообще на аспиранта похож... А вот женщина сидит, ногти

кусают, так и кажется, что два высших, не меньше... А у Рустама девять классов и коридор, вот и смотрите теперь, кто кем рулит...

– День добрый, – широко улыбаемся, – меня зовут Рустам, буду вашим непосредственным начальником, надеюсь на долгое плодотворное сотрудничество.

Ага, притихли... как будто их по холке погладили.

– В наше время интеллектуальная собственность приобретает все большую ценность. Книги... картины... Произведения искусства... за них отдают все большие и большие суммы.

– Вашими бы устами да мед пить, – кивнула женщина в первом ряду, – кто бы отдал.

– А вы предлагали?

– Да сплошь и рядом. Не берут.

– Да ну? – выражаем искреннее удивление, – много они понимают. Мы бы с вами пораньше встретились, вы бы уже в золоте ходили... Вы... стихи пишете?

– Картины.

– М-м... можно взглянуть?

– А что, приносить надо было?

– Конечно, в объявлении же сказано... Ну ничего страшного, завтра принесете, я вам верю. А пока, – поворачивается к присутствующим, – разрешите... посмотреть ваши работы.

Пробегают пытливым взглядом рукописи, рисунки. Вот это отстой, графоманство чистой воды, вот в этом что-то есть... ух ты... новый талант вытащили... навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно. Этот... так себе, ладно, сойдет. Эта...

– Ну что же... – Рустам оглядывает присутствующих, – вы и вы... подойдете завтра на Волокамскую десять.

– Тю, это же за тридевять земель...

– Ну а вы как хотели... Не бойтесь, это только один раз вам туда подъехать, заказы взять.

Вы в десять тридцать, вы в два часа дня...

Рустам оглядывается, женщина, которая не принесла рисунки, поникает, как плакучая ива. Так, это не к добру...

– И вы. Часика в четыре подойдете? Рисунки свои покажете. Поговорим.

Та-ак, кажется, переборщил, кажется, насторожились люди, уж сильно все хорошо, сильно гладко. Почуяли бесплатный сыр.

– А оплата?

– Достойная. Как сказано, десять тысяч за раз. Мы платим за ваши мозги.

Вот это самое главное. Напомнить. Платим за ваши мозги. Не за что-нибудь. За ваши мозги.

Где они все... неужели не сработало... Рустам смотрит на часы, представляет себе, как люди – трое – тоже смотрят на часы, берут пальто, снова вешают... Ну давайте же... идите... идите... марш ко мне, кому сказал! Вызываю людей... вызываю людей... просто силой мысли вызываю людей. Тех троих... как зовут, не знаю... ничего не знаю... Вызываю... людей...

Не вышел номер... Вроде бы и в деньгах не потерял, и проезд оплатят, все равно – обидно. Перед этими тоже... Вроде бы слова не говорят, когда Рустам приходит ни с чем, да кто их знает... раз слова не скажут, два не скажут, а на третий раз... Были до них у Рустама два начальника, один все орал, Рустам от него ушел, другой все молчал, вежливенький такой был, Рустам накосячит, он ни-ни, ни словечком не обмолвится. А потом – спасибо, вы не подходите.

Было... и эти вот теперь... что от них ждать. Вроде тихонькие, ласковые... А вот так провалишь задание, и устроят... публичное наказание. А может, где что не так, думают, ну наняли тупую скотину, что с него взять...

Заверещал звонок. Да неужели они... ну пожалуйста... ну не надо...

– Компания ВИП...

– Здравствуйте... вы тут просили подойти...

– А, день добрый, очень рад... входите, входите, открываю...

Та самая, которая пишет картины. Заходит, бочком, бочком, чего они все так боятся... сами не могут объяснить, чего боятся.

А человек такая тварь, всегда всего боится...

– Здравствуйте... еле вас нашла...

– Да я уж подумал, надо было вас встретить. Проходите, располагайтесь... чаю?

– Нет, спасибо.

Боится... крепко боится. Вот это плохо. Рустам даже представил себе ее мысли, вот, думает, сидит один на один с незнакомым мужчиной, что от него ждать... И-и, не надейся даже, Рустам на такую и не посмотрит...

– Вот... пожалуйста...

Женщина раскладывает альбомные листы. Вспомнить бы еще, как ее зовут... не помню. Да это и неважно. Здесь все неважно. В голове крутится одно-единственное – нашел. Ту самую – за мозги которой...

– За ваши мозги дадут миллион долларов, не меньше.

– Ну, это вы загнули.

– Не загнул. Правда... Где ж вы раньше-то были... Вот так вот, лет десять в какой-нибудь шарашкиной конторе просидели, думали, все это не нужно никому...

– Я в школе работала.

– Во-во, еще хуже, с дебилами этими...

– Никакие они не дебилы, нормальны ребята. И вообще... мне нравилось.

Черт, опять не то сказал. Как это у других получается, у того же Андрея, вот уж людей убалтывает, как под гипнозом, ей-богу... Пылесосы свои продавал, у тетки какой-то ковер почистил, открывает пылесос, там шерсти с полкота дохлого... Ничего, и Рустам выучится, и к нему будут толпами ходить...

– Давайте я вам все-таки... чаю налью.

Заходит за спину женщины, щелкает чайником. Засуетилась... чш, чш, только не оборачивайся...

Рустам взводит курок...

Рустаму страшно.

Первый раз по-настоящему страшно.

Нет, всякое, конечно, бывало... сколько раз ходил на краю пропасти, сколько раз уже ждал звонка в дверь, день добрый, вы арестованы...

Но такого...

Такого еще не было.

Сидит, смотрит на кровавую кляксу на полу, тербит в руке револьвер. И ведь не скроешь, вот они, белесые кусочки мозга...

А сейчас придут эти... эти...

И что им Рустам скажет. А говорить что-то надо будет. Грязно сработано. Очень грязно. И ведь до чего обидно-то, сколько стрелял быдло всякое, графоманов, поэтиков мелкого пошиба, бумагомарателей... всегда чистенько, без сучка, без задоринки. А тут на тебе...

Такой мозг испортил...

Или спрятать женщину эту совсем, зарыть где-нибудь, типа, ничего не знаю, вот, двое приходили, двоих ухлопал... Уж патроны-то в пушке проверять не будут...

Хлопнула дверь. Они не звонят. Они приходят... вот так...

Рустам вытягивается в струночку, кланяется. Кланяться никто не просит, но все-таки... начальство, все-таки... а как еще, руку им не пожмешь...

Заходят. Что заходят, заползают, что-то членистоногое, членисторукое, кольчатое, изви-
вается, хлопает по линолеуму.

– Вот... пожалуйста. Сто восемь сосудов...

Сто восемь... черт, надо было сказать – сто семь...

Они смотрят. И странно, что смотрят непрозрачные сосуды, и видят, черт возьми, видят,
что в них... Как они вообще делают, чтобы мозги не портились... формалином, вроде, не пах-
нет...

Кольчатый-перепончатый замирает перед последним сосудом. Рустам холодеет. Стучит
по клавишам битого жизнью компа.

Черт...

В сто восьмом мозг поврежден.

Рустам вздрагивает, как от пощечины.

– Ну... да.

Кольчатый еще раз считает сосуды. Разворачивает мешок на груди, отсчитывает пятиты-
сячачные банкноты. Черт, и за эту заплатил, поврежденную... Во народ... Спросить бы, чего
они потом с мозгами делают... лучше не спрашивать. Меньше знаешь...

Вы молодец, Рустам.

– А-а... рад стараться.

Лучший работник.

– Неужели...

Вот оно как... мучился, сомневался, терзался... Чувствовал себя никчемным... все,
наверное, через это проходят, кажется, что у тебя ничего не получается, все испортил... а тут –
лучший работник.

Чаю им предложить... какого чаю, для них тут какую-нибудь серную кислоту держать
надо... или плутоний обогащенный...

Снова кольчатый червь присасывается к клавишам, выщелкивает:

У нас к вам деловое предложение.

Так... хватаемся за предложение, не выпускать ни за что.

Когда вам удобно с нами встретиться?

А разве мы сейчас не встречаемся? – так и хочется спросить. Не спрашивает. Отвечает:

– Хоть сейчас.

Членистоногие грузно поднимаются, невнятным жестом зовут за собой. Рустам идет –
медленно, как по воздуху, не оступиться бы, не... Черт, чего ради я всего бояться начал,
не маленький, чай... нет, Андрейка наглее... пробивной... Ничего, наглость – дело наживное...
Уж медведей на мотоцикле учат кататься, а человек и подавно всему научится...

Входите.

Первый раз Рустам входит в святую святых, в темный шар, зависший над поляной в лесу.
Боязно. И опять же боязно – как войти, как сесть, как лечь... свернулся в какую-то немыслимую
позу, ничего, вроде, молчат, терпят...

Знать бы, что они с этими мозгами делают... Жуткая все-таки картина, это же, получа-
ется, цвет человечества вырубает... а что цвет, он бы так и зачах у нас, этот цвет, можно поду-
мать, кому-то это надо все... стишочки, картиночки... Так что это не к Рустаму, это вон...
к людям... ко всем... К...

Выходите.

Рустам не выходит – выпадает, тело не слушается, становится непомерно тяжелым.
Черт... Нет уж, с вашего разрешения я лягу... вытягивается на полу, и снова никто слова
не сказал... делай, что хочешь.

Мы хотим... предложить вам новую должность. Начальник отдела.

– Сочту за честь.

Повторяет мантру – я смогу, я сумею, у меня получится.

Вы самый лучший работник. Мы хотим наградить вас.

– А-а... большое спасибо.

Что вам хочется?

Что мне хочется... все мне хочется. Квартиру хочется, надоело по съемным углам жить. Машину... чтобы приличную, а не это вот горе, на котором езжу. Потом...

Ох ты черт...

Только сейчас понял. Сидят. Записывают. Слушают... мысли Рустама.

А раньше не говорили, что мысли читают... Да чего ради они должны перед работягой своим отчитываться...

Хорошо, Рустам. Мы все сделаем. Пройдемте...

Рустам идет – кто-то уже сует ему в руки пятитысячные банкноты, много, кто-то распахивает перед ним двери... нет, что-то здесь не так... Рустам бросается назад – движимый каким-то инстинктом, не успевает, мир рассыпается болью...

Готово?

Готово.

Сердце мое в радости. Надежного взял?

Надежного.

Сердце мое в радости. Покажи оружие.

Вот оружие. Хорошее оружие. Знатное оружие.

Из чего сделано?

Из злого сердца сделано.

Из жестокого сердца?

Из жестокого. Своих предавал, не щадил.

Дай взглянуть.

Взгляни.

Плохое оружие.

Чем плохое?

Слабое. Другое надо. Еще хуже сердце взять надобно.

Возьму.

– Ан Дре? Ан Дре, – неловко щелкает клавишами, слушает гудки, включает автоответчик, – Андрей, мы хотим вас видеть. Встретимся завтра в полдень. Вы нужны нам. Мы платим... за ваши мозги.

Колючка

Синие всполохи фонарей.
Нескончаемый снег на нескончаемой стене.

– Ну... смелее!

Говорю шепотом. Даже не шепотом, это и на шепот не похоже. Здесь нельзя шептать, ночь услышит, ночь, она все слышит.

Так что я даже не шепчу. Просто чуть шевелю губами. Мне кажется, она услышит мой шепот.

Не ночь.

Она.

Юлька.

Осторожно карабкаемся на стену. Думаю, когда кончится эта чертова стена, должна же она когда-нибудь кончиться.

Обязана.

Юлька коротко вздыхает. Холодеет спина, неужели это случилось, неужели...

– Все в порядке, – шепчет Юлька одними губами.

Верю. Что все в порядке. Надо верить, только это мне и остается...

– Ты идиот, что ли?

Девчонка. Волосья торчком, что за мода у них пошла идиотская. Перешагивает на во-от такенных каблучищах, орет:

– Идиот, что ли? А если бы порезал меня, тогда что?

Хочу извиниться, отодвинуть копыце, правда что, размахался тут, аки рыцарь. Вместо этого огрызаюсь:

– И порезал бы, и чего?

– Ты чего, чокнутый вообще? Не понимаешь?

Ухожу. Молча. Проклинаю себя, что ухожу, даже не спрашиваю, а что такое...

Черт...

Хватаюсь за колючую проволоку, раздираю руку в кровь.

Черт.

Это ничего.

Только бы с Юлькой ничего не случилось.

А с ней не случится.

Я верю.

Здесь мне только и остается, что верить.

– Норму хлеба урезали, слышал?

Смотрю на Светку, не понимаю, не верю, куда еще урезать-то.

– Кончай шутить уже, петросьянша чертова...

– Да серьезно говорю тебе, резанули сегодня.

– Охренеть не встать. А жить как теперь?

Светка подмигивает.

– Ничего, худее будем.

Хочу ответить – куда уж худее, не отвечаю.

Провожая Светку до её клетушки, уже который вечер провожаю, когда она, наконец, поймет, что неспроста я это делаю...

Светка придвигается ко мне, говорит шепотом:

– Ты чего Юльку-то обидел?

– Это кто вообще?

– Кто, кто, будто сам не знаешь... чуть копьём её не пырнул.

– Ну и пырнул бы, и чего? Подумаешь, принцесса. Чего, особенная, что ли, какая?

Светка смотрит на меня. Нехорошо смотрит.

– Ты вообще идиот или как?

– Да что с ней не так?

– Что, что, будто сам не знаешь...

Должна же кончиться эта чертова стена...

Обязана. Видели же мы, что стена не бесконечная. Днем видели. А ночью она, может, бесконечной становится. Мало ли какую стену выдумают на границе Конфедерации.

Камни шуршат под ногами, предательски осыпаются. Хочу окликнуть Юльку, как она там. Не окликаю. Нельзя не то, что кричать – дышать нельзя, чтобы не услышали на охране.

Поэтому мы и поползли через стену здесь, где стена выше всего.

Там, где пониже, там охраны до фиги.

– И чего... часто бывает гемилия эта?

– Гемофилия, идиотище.

– Да какая разница... первый раз слышу вообще.

Светка морщится.

– У девчонок её вообще не бывает, понимаешь ты? Юлька в этом плане у нас вообще уникум. Её тут все берегут... как хрустальную. А ты...

Капитулирующе поднимаю руки.

– Ну, прости, прости...

– Чего прости, это ты у неё прощения просить будешь, понял, да?

– Буду, буду...

Хочу добавить, что еще перед ней на колени встану, не добавляю.

Стена не кончается.

Она и не собирается кончаться. Стена. Уже понимаю, что она никогда не кончится, то есть, совсем, и плевать, что так не бывает, все бывает, здесь по ночам все случается.

Стена ощеривается мне навстречу колючей проволокой.

Осторожно окликаю.

– Юлька...

– Тихо ты, идиотина!

– Сама тихо!

Егоза впивается в ладонь, больно, сильно, до крови. Осторожно высвобождаю руку, карабкаюсь дальше, приказываю себе не чувствовать боли, некогда забинтовать ладонь, все некогда, главное, добраться до вершины стены.

Если есть у неё какая-то вершина.

Думаю, как там Юлька.

Думаю, что лучше не думать.

Снег, снег, снег, снег, снег...

Тянется нескончаемый снег, тянется нескончаемая стена.

Парни недоверчиво смотрят на меня. Думаю про себя, что я один, а их трое, как бы чего не...

Самый высокий бубнит под нос:

– Деньги давай.

Выкладываю талоны на хлеб.

– А чего мало так? – спрашивает второй.

Добавляю талоны на сахар.

– Нда-а, щедрый ты... – недовольно фыркает третий, нехотя вынимает из сумки что-то круглое, завернутое в бумагу, догадываюсь – диск.

Киваю.

– Спасибо.

– Не за что, – говорит самый высокий, догадываюсь, главный.

– Не во что, – добавляет другой.

Думаю, добавляю еще два талона на спирт.

– Вот это по-нашему, – бубнит высокий.

Расходимся. Уже не сомневаюсь, что со мной следят, что меня заберут сию минуту. Осторожно пробираюсь домой, осторожно спрашиваю себя, какого черта я во все это впутался.

– Принес? – Юлька бросается ко мне с порога.

– Тише ты!

– Да брось ты, кому мы нужны сто лет... – Юлька бережно разворачивает диск, – ай, молодец...

– А чего там такое, можно глянуть?

– Чтобы нас с тобой вместе засадили?

– По-любому уже вместе засадят.

Юлька мотает головой.

– Да не бойся, ничего тебе не будет... пока не будет. Ты же это не смотрел...

Вспыхиваю.

– Да ну тебя, я тут собой рисковал, уже и посмотреть не могу?

Юлька фыркает при словах – собой рисковал.

– Ладно... потом не жалуйся.

Юлька приводит в чувство допотопный экран. Хочу спросить, откуда у неё экран. Не спрашиваю.

Смотрю. Сначала не понимаю, что я, собственно, вижу. В голове крутится одно-единственное – так не бывает. Просто. Потому что не бывает. Потому что мы в мальчишеских мечтах рисовали себе песчаные пляжи, мраморные дворцы, людей в легких одеждах, пышно накрытые столы, пир изобилия...

– Это что? – вспоминаю мудреное слово, – фотошоп?

– Дебил ты, какой фотошоп, это на самом деле все!

Усмехаюсь.

– И где ж это все на самом деле?

– В западной Конфедерации, где еще-то...

– Ты там была?

– Дебил, что ли, кто меня туда пустит...

Падает на нескончаемую стену нескончаемый снег.

Добираемся до края стены.

Не верю себе, надо же, у этой стены есть край.

Осторожно, ножничками-ножничками перерезаю егозу. Осторожно помогаю Юльке забраться на стену.

Вот это самое страшное. Когда замираем на стене, когда нас видят, я уже не сомневаюсь – видят оттуда, с пункта охраны, уже чувствую, как кто-то там вскидывает винтовку.

Хочется спрыгнуть со стены, – скорей, скорей, скорей. Смотрю в темноту по ту сторону стены, понимаю, если прыгнем, разобьемся насмерть.

Спускаться. Медленно, но верно. Спускаться. Черт побери. Спускаться. Через такие же ряды колючей проволоки и всего остального.

Спускаемся. Осторожно. Бережно. Только сейчас понимаю, что мне страшно, странно, что страх накатил именно сейчас, когда вроде бы все уже позади.

– Чер-р-рт...

Это Юлька.

– Юль... ты чего?

– Да не ори ты.

– С чего не ори, здесь уже можно.

– Мне эта дрянь в ногу кольнула...

– Какая дрянь?

– Проволока, какая еще...

Холодеют руки, только не это, ну пожа-а-алуйста...

– Сейчас... спустимся... разберемся...

Стена.

И снег.

А в Западной Конфедерации, говорят, цветут орхидеи.

– Трудодень до пятнадцати повысили, – говорю.

Сам не знаю, какого черта я говорю это здесь. Вроде не о том говорят люди на первом свидании.

– Часов? – охает Юлька.

Смеюсь.

– Нет, блин, пятнадцать минут в день отработаем, и все. Часов, ясное дело.

– Они охренели, сволочи, или как?

Юлька закусывает губу, шлепаю её по губам, не смей, еще прокусишь...

– Канать отсюда надо, – кивает Юлька.

– Куда? К дальним берегам?

– Да хоть бы в Западную Конфедерацию.

– И кто нас там ждет?

– Да ну, говорят, там даже приюты какие-то есть для таких вот... которые с восточной конфедерации... Юлька смотрит на меня, вижу, не очень-то и верит. Впиваюсь губами Юльке в губы, осторожно, бережно, только бы не прокусить, только бы не поцарапать, нда-а, никогда я так с девчонками еще... вот так... никогда...

Ноги касаются земли.

Осторожно подхватываю Юльку. Осторожно снимаю с неё сапог, чувствую, если увижу хоть каплю крови, умру на месте.

– Ну чего там?

Фыркаю.

– У-у, кровящи до фига, не выживешь.

– Да ты чего?

Смеюсь.

– Ничего, ничего, уже и пошутить нельзя.

Юлька вспыхивает.

– Ужасно смешно, обхохочешься прямо.

– Ну прости... прости... ничего у тебя там нет.

– Чего ничего, думаешь, шуточки все? Я всю жизнь, блин, как на иголках...

Обнимаю её, стискиваю, Юлька хлопает меня по лицу, тут же прижимается маленьким тельцем, родная, всех убью за нее, все отдам за нее, блин, а вместе всего-ничего, без году неделя...

Оглядываюсь. Ловлю себя на том, что не вижу песчаных пляжей и лазурных берегов. Тот же холодный снег, тот же пронизывающий до костей ветер, те же далекие огни на горизонте.

Спрашиваю в пустоту:

– Мы... ничего не напутали?

– Да нет... вроде, та сторона...

– Ладно... пойдём потихоньку, живут же здесь люди...

Идем. Потихоньку. Вижу заметенные снегом бункеры, вижу всполохи огней, вижу впереди четыре темные фигуры с автоматами...

– Не пойдём туда, – шепчет Юлька, – не надо...

– Чего не надо, прятаться, что ли?

Иду навстречу людям.

– Руки вверх!

Никак не ожидал услышать это здесь, по ту сторону стены. Делать нечего, поднимаю вверх руки, бросаю оружие, сразу же мысленно одергиваю себя, зря бросил.

Давай... карманы выворачивай... и сумку сюда.

Бросаю сумку. Выворачиваю карманы. Двое парней обыскивают Юльку, отпускают сальные шуточки.

– А ничего, богатый улов.

– До фига и больше.

– Парнише хоть хлебца оставьте.

– Тоже верно... на, парень, это тебе, остальное не обессудь, нам, наша земляца... Тпру, стой, девочка тоже нам остается...

Начинаю понимать все. Ай да молодцы пропаганда наша, не зря нам правду-матку резали, не зря...

Хватаю Юльку за руку, волоку за собой, бежим в темноту ночи, стараюсь не слышать выстрела в спину, стараюсь не думать, в кого попали...

Перевожу дух.

Еще не верю, что все позади.

– Тьфу черт, оторвались... – шепчет Юлька, – а чего они так, а? слушай, а чего мы им сделали?

Чего-чего, не видишь тут, что ли, за кусок хлеба друг друга убить готовы!

– Да тут не за кусок хлеба... тут друг друга, похоже, сожрать готовы... с потрохами... Хоть назад возвращайся, чесслово...

– И кто нас там ждет?

– А тут нас кто ждет? Ждут, конечно... чтобы с потрохами сожрать...

– Не, лучше хоть до рассвета где-нибудь пересидеть, перекантоваться, пока не хлопнули нас тут...

Юлька не отвечает.

– Юль... ты чего?

– Да ничего... ага... давай где-нибудь переждем...

Хватаю Юльку, затаскиваю в первый попавшийся подвал, на удивление пустой, сдергиваю с не свитерок, ах ты ж черт...

– Дай... дай перевяжу... чего там, препараты какие нужны, или что там?

– Перевяжи...

Юлька вымученно улыбается, обессиленно падает мне на руки. Вспоминаю, как перевязывать раны, вспоминается на удивление легко, а ведь зачет с четвертого раза сдал...

Где-то хлопают выстрелы.

Ждем рассвета, почему-то такое чувство, что рассвет здесь не наступит. Никогда.

Говорю почти шепотом.

– Ничего... есть же какие-то лекарства... чтобы кровь остановить...

– Есть, конечно.

– Ну вот... найдем... поможем тебе...

– Поможем.

Молчим.

Давит со всех сторон непроглядная ночь.

– Где-то тут есть теплые моря, – шепчет Юлька.

– Должны быть.

– Обязаны.

– Были же на видео.

– Были.

– Ну, вот... и дворцы мраморные...

– И дворцы.

– Найдем.

– Обязательно найдем.

– Жить будем.

– Ну а то...

Ночь молчит.

Будущее, которого нет

– Имя, фамилия?

– Нету.

– Я серьезно.

– И я серьезно... Хоть знаете, сколько имя сейчас стоит?

– Знаю, сам цены назначаю... что за безымянность штраф у нас, вы в курсе?

– В курсе...

– Так платите.

– Так нечем.

– Слушайте, вы у меня кривляться в камере будете, вы у меня поняли?

Следователь взрывается. Да бога ради, хоть взрывайся, хоть синим пламенем гори, мне-то с этого что, мне уже терять нечего...

– Подсудимый, вы хоть понимаете, что вы делали?

– Я вам не подсудимый, вы мне еще адвоката не дали...

– Отвечайте на вопрос. Вы понимаете, что вы делали?

– Я-то понимаю. Я-то хорошо понимаю, зря, что ли, универ кончал...

– Вы мне умничать в камере пыток будете, – следователь снова взрывается, долго приходит в себя, – это же... это вы что же с людьми делали...

– Делал.

– Вы же сколько народу загубили... да не загубили, тут хуже...

Бежать.

Неважно как, неважно, какой ценой – бежать. Пока еще есть время что-то изменить, а время поджигает, сны подсказывают это...

Сны...

Опять приходили сны, вились вокруг кровати, как ни отгоняй их, навалятся, налетят, захлопают крыльями, вопьются когтями в голову...

Сны. Откуда-то из бесконечно далекого будущего, такого далекого, что там и не живет никто, некому смотреть сны, вот они и ломаются в прошлое, где есть горячие головы, податливые умы. Вот и приходят сны через миллион лет, а что такое миллион лет для сна, один миг...

Сны. Тяжелые сны. Про далекое будущее, такое далекое, что оно уже само про себя ничего не помнит. Остывающие звезды, остывающие планеты, вселенский холод, и люди...

А?

Что?

Люди?

Какие еще люди?

Не было никаких людей. Да нет, что вы, никогда не было, что вы про людей про каких-то... А-а, ну может быть, легенды, мифы, не более...

Не более...

Просыпаюсь. В холодном поту. Подскакиваю на жесткой тюремной кровати. Сны вспархивают, вспугнутые моим голосом, уже приноравливаются, чтобы снова сесть на постель...

Вот черт...

– Нинуль, ты меня любишь?

– Люблю.

– Как сильно?

– Как отсюда, и до луны пешком.

- Ты смотри, чего я тебе принес...
- Сон, что ли?
- Ну... свеженький...
- Слушай, ну на хрена ты так потратился?
- А мне для тебя ничего не жалко...
- Ой, ну спасибо... слушай, я тут для тебя тоже сон припасла... не такой шикарный, конечно...
- Это-то называется не такой шикарный? Да я о таком полжизни мечтал...
- Говорят, праздник сонный запретить хотят...
- Я им запрещу... идиотищи...
- Вроде как не наш, неправославный, церковь сны не жалует...
- Я им не пожалую...

Смотрю на ребенка.

То есть, это еще не ребенок, это где-то через полгода будет ребенок.

Убиваю.

Взглядом.

Смотрю на следующего.

Убиваю.

На следующего.

Убиваю.

На следующего.

Уби...

Нет, этого оставляю.

Знали бы власти, чем я здесь занимаюсь, сам бы уже лежал в утилизаторе в растворе кислоты.

Перебираю аминокислоты, а-тэ-цэ-цэ-тэ-а-гэ-а-це-а-гэ-цэ-а-а-цэ-цэ...

Может, на этот раз получится.

Должно получиться.

Обязано.

Смотрю на очередной зародыш, проверяю, ну же, ну...

Есть.

На голове крохотный зачаток третьего глаза.

Получилось.

Засыпаю, умиротворенный, обессиленный. Даже странно, сколько было поражений, и ничего, терпел, а тут первый раз победа, такая победа – и из меня как будто все соки высали. Дочиста.

Подбадриваю себя, что это еще не победа, это еще только начало пути, долгого, тяжелого, если не бесконечного.

До самых звезд...

Через приоткрытое окно приходят сны. Я знал, что они придут, нарочно насыпал на столике у изголовья кровати свои детские мечты. Сны прилетают, опускаются на кровать, осторожно поклевывают голову.

Отключаюсь.

Вижу сны.

Будущее. Такое далекое, что даже толком непонятно, то ли это наше будущее, то ли чье-то другое будущее, то ли это наше будущее и чье-то прошлое, впрочем, так оно и есть...

Миры. Бесконечно далекие, до которых не то что три года скачи – не доскачешь, а века и века лети – не долетишь, поколения и поколения сменяются, пока доберутся люди до дальних миров.

Миры. Бесконечно далекие в пространстве и во времени.

И люди. Там. В тех мирах. Люди, настолько не похожие на людей, что еще вздрогнешь, когда проползет, проковыляет такое мимо тебя, проползет, прохромает, еще обернешься во сне, посмотришь – да точно ли человек, да быть того не может, чтобы человек... Да нет, все-таки человек, узнаешь какие-то знакомые черты, посмотрит на тебя живой любопытный глаз. И в свою очередь недоумевают, смотрит на тебя, да кто это, да откуда это, да вроде как на нашего брата похож, и в то же время не похож, вы чей будете, господин хороший...

Люди. Люди, сплюснутые в блин и растянутые в линию, люди, дышащие серной кислотой, люди в кратерах вулканов и на дне морском, люди в открытом космосе...

Спросишь их о земле, руками разводят, если есть у них руки, а если нет, то и не разводят, смотрят недоуменно, это что такое, не знаем такого... вроде как ученый такой был, что открыл, не помню...

Смотрю дальше. Сны. Далекие сны. Такие далекие, что вообще непонятно, как дошли, как не затерялись на почте, не ошиблись адресом, не сбились с пути. Последние часы вселенной, большой разрыв, наш мир разлетается в прах, уже погибли звезды и галактики, рвутся на куски планеты. Остаются только люди. Люди, ставшие электромагнитными импульсами...

Просыпаюсь. Долго не могу отодрать себя от подушки, надо работать, надо что-то делать. Выходной день, значит, надо работать. Это у меня всегда так, если выходной, надо работать, это в будни в лаборатории задницу просиживаешь, ждешь, сколько до конца дня осталось...

Еще радуйся, прикроют лабораторию, вообще в Макдональдс пойдешь, две картошки и колу с собой...

А в будни можно и поработать. Люди ждут. Те, которые еще не люди, те, которые еще только горсточки клеток, которые станут людьми...

Смотрю на ребенка.

Не пойдет. Что-то среднее между жителем земли и жителем планеты с десятикратной гравитацией. Насколько среднее, что не выживет ни там, ни там.

Убиваю.

Смотрю следующего. Человек, который будет жить в кратере на раскаленной планете и купаться в магме.

Вижу крохотный дефект, который уже видел неоднократно, вот черт...

Убиваю.

Смотрю на следующего. Этот, похожий на шарик с лапками, будет жить в открытом космосе.

Смотрю, понимаю – будет жить.

Хоть что-то...

Звонят в дверь. Резко, нетерпеливо. Вот, блин, ни раньше, ни позже...

Закрываю подвал, выхожу на свет, солнце больно режет глаза, скоро вообще отвыкну от солнца... ничего, у меня люди и без солнца жить будут, и после того, как погибнут все звезды, а если квантовую физику присобачить (у меня, у генетика, черта с два получится присобачить), у меня и в черных карликах жить будут... Там, говорят, интересно, время останавливается, можно увидеть всю историю вселенной от начала до конца...

Открываю дверь, чего надо-то, кому неймется-то...

– Вы арестованы.

– А?

Наручники щелкают на запястьях.

– Пройдемте.

- Имя, фамилия?
- Нету.
- Я серьезно.
- И я серьезно... Хоть знаете, сколько имя сейчас стоит?
- Знаю, сам цены назначаю... что за безымянность штраф у нас, вы в курсе?
- В курсе...
- Так платите.
- Так нечем.
- Слушайте, вы у меня кривляться в камере будете, вы у меня поняли?

Следователь взрывается. Да бога ради, хоть взрывайся, хоть синим пламенем гори, мне-то с этого что, мне уже терять нечего...

- Сколько вам лет?
- Да каждый год по-разному.
- Кривляться в камере пыток будете...

Кусаю губы. Сейчас начнут мне впаривать про права человека, бла-бла-бла, все такое. Знаем мы эти штучки, через миллиард лет никто и не вспомнит про человека, и про его права.

Бежать.

Любой ценой, пока не поздно, пока не добрались до подвала, да уже добрались до подвала, до компа добрались, и до домашнего, и до рабочего, и до всякого, а вот до флешечки у Нинки на даче еще не добрались... мне так кажется...

- Нинуль, я у тебя флешку оставляю?
- А чего так?
- А так. Ты меня любишь?
- Люблю.
- Как сильно?
- Как отсюда и до Парижа пешком.
- Ну, вот я у тебя флешку оставляю. А если спросят, ты скажешь, ничего у тебя не оставлял.
- Не оставлял, балда...
- В граммар-наци записалась, что ли? Вот, теперь на расстрел поведешь...

Нашли дурака, отпустили под подписку о невыезде... Я им так не выеду, мало не покажется. Так не выеду, что только меня и видели. Так не выеду...

- Облава дальше, – кивает шофер.
- К-какая еще облава?
- Гаишники, мать их... – шофер добавляет про гаишников пару слов, от которых должно покраснеть шоссе.

- Вдрагиваю.
- А... вы откуда узнали?
- А вон, парень по встречке ехал, фарой подмигнул...

Спыхватываюсь. Холодеет спина.

- Вот что... а свернуть нельзя?
- Куда я тебе от них сверну...
- Так останови... я выйду...

Шофер смотрит недоверчиво.

- Скрываешься?
- Некогда думать, некогда объяснять, протягиваю деньги, последние, черт...

– На, возьми...

– Да чего ты... Слышь, давай выйдешь, а там, у Мизинцево я тебя снова подберу...

Киваю. Выметаюсь из машины в лесочек. Даже толком не успеваю спросить, где это Мизинцево. Ничего, доберусь. Сжимаю в кулаке флешку, забрал-таки, молодец, Нинка, припрятала...

Бегу в чаще леса, ветки хлопают по лицу, хочется лечь, затаиться, не двигаться, вдыхать и вдыхать аромат хвои...

Бегу. Где это Мизинцево, черт бы его драл, вон, мелькает что-то впереди, просвет какой-то, может, там...

Спотыкаюсь.

Лечу в июльское разнотравье, падаю, как в детстве обдираю коленки, хочется разреваться как в детстве, ма-а-а, бо-бо...

– Документики ваши.

Рушится мир.

– А... нету...

Смотрю в знакомое лицо следователя, выследил, собака, в кошки-мышки со мной играл... это в средние века было такое, пытка надеждой, вроде как дадут убежать, а потом – хенде хох, вы арестованы...

– Набегался?

Пытаюсь отшутиться.

– Не-е, еще хочу.

– У меня для тебя есть кое-что... подарок один...

– Кандалы?

– Да ну тебя... Ну хочешь кандалы, на тебе кандалы...

– Не хочу.

– А не хочешь, вот тебе сон.

– Чего?

– Сон. В подарок.

Думаю, где здесь подвох. Не знаю, где здесь подвох, не вижу, где здесь может быть подвох...

– Да не бойся, сегодня живой останешься, – дает мне сон, по-простецки завернутый в газету, – на...

Беру. Даже странно, кто это сны в газету заворачивает, сон, штука хрупкая, его в фольгу надо, сейчас, говорят, даже футлярчики специальные для снов появились.

Разворачиваю. И вот блин, хотел глянуть одним глазочком, да как бы не так, затянуло, засосало, завлекло...

...просыпаюсь. Выныриваю из сна, остатки сна растекаются по земле, ручейками уходят в траву, ай, ах, ловлю, не ловятся, не успел, не успел, не успел. Сны, они такие, чуть зазеваешься, и все, и улетели, и только их и видели...

Оторопело смотрю на инспектора, неужели так и заснул тут, на траве, а хорошо спится в лесу, я уже и забыл, как это, когда спится в лесу.

– Посмотрел?

– Ага...

– Понравилось?

– Да как вам сказать...

– Ну и славненько... домой иди... домой...

– Это как же... отпустить? – оторопело спрашивает молоденький полицейский, чувствую, без году неделю работает.

– Ну... свободен, свободен... иди...

Свободен. Иду. Выбираюсь возле деревушки, кажется, и есть Мизинцево, водила ждет меня...

– Ничего, нормуль гаишники пропустили, я думал, всю кровь высосут.... Ну давай, поехали...

– Не-е... я домой.

Водила оторопело смотрит на меня. Добираюсь до остановки, забиваюсь в автобус, домой, домой, пропади оно все, домой...

ВЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОТИТЕ УДАЛИТЬ ПАПКУ БУДУЩЕЕ И ВСЕ ЕЁ СОДЕРЖИМОЕ?

Действительно хочу.

ПАПКА БУДУЩЕЕ СЛИШКОМ ВЕЛИКА ДЛЯ КОРЗИНЫ, ЕЁ УДАЛЕНИЕ БУДЕТ БЕЗВОЗВРАТНЫМ

Киваю.

Будущее умирает.

Будущего больше нет.

Вытягиваюсь на постели, надо спать. Выходные кончились, можно и расслабиться. А завтра надо что-то искать, чтобы не гнить в лаборатории до конца своих дней, придется начинать с нуля, тяжело в таком возрасте с нуля, да не с нуля, вообще с минус единицы какой-нибудь... ничего, люди и в сорок лет с нуля начинают...

А?

Сон-то?

Нет...

Не скажу, что там было...

Будущее.... Будущее, о котором лучше не знать...

XXI-DLV-MMMM транзит

DLV век

- ...дорога... до-ро-га...
- Да, да, вы шли по дороге.
- Дорога... машина...
- Да, вы чуть не попали под машину.
- Машина... нельзя...
- Ну конечно, нельзя людей сбивать... водителя судить надо...

XXI век

...гда не мыл за собой чашки. Никогда. Нет, все мы этим грешили, кто больше, кто меньше. Но в его немытье чашек было прямо-таки что-то маниакальное. У него на подносе собирались баррикады немытых чашек, более того – он злился, когда кто-то пытался их убрать. Говорил, что так ему легче думается.

Не выносил громких звуков. Причем, на какой-нибудь грохот за окном мог не обратить внимание, а малейший шорох в комнате приводил его в ярость.

Спал только на полу. Если на то пошло, он все предпочитал делать на полу: сидел на полу, скрестив ноги, раскладывал на полу свои бумаги, расставлял еду на ковре, мы еле уговорили его использовать для еды поднос. На званных приемах и деловых встречах он чувствовал себя не в своей тарелке. Когда однажды мы зашли в бар и хотели выпить у стойки, он отказался, сказал, что здесь слишком высоко.

Но вместе с тем он не переносил нижних этажей, ему все время нужно было забраться повыше, повыше. Когда мы приезжали в какой-нибудь город, он выбирал самую высокую гостиницу. Доходило до абсурда: если верхний этаж оказывался занят, он ходил по номерам и предлагал постояльцам поменяться с ним номером.

Стоит ли говорить, что он никогда не был в деревне...

Жека смотрит на написанное. Снова стучит по клавишам.

Он редко мог решить даже самую простую задачу, кто-то подсчитал его ай-кью, оказалось что-то чуть больше сорока. Он разбирался только в астрофизике, все остальное было для него темным лесом – особенно, что касалось быта.

Таким был Олег Чекин.

Одно непонятно, как этот человек спас вселенную.

ММММ век

ЧЕКИНУ ОЛЕГУ
ЧЕЛОВЕКУ, СПАСШЕМУ МИР
ОТ БЛАГОДАРНЫХ ЗЕМЛЯН

XXI век

Жека думает.

Снова стучит по клавишам.

Сегодня Олег был не в духе. Очень не в духе. Весь день не открывал дверь своей комнаты, мы только по видеокамерам знали, что он жив-здоров. Ходил из угла в угол. Ближе к вечеру выбрался на крышу, гулял по крыше, выделявал какие-то гимнастические кульбиты, я все боялся, что он свалится. Потом вытащил на крышу ноутбук, работал всю ночь. Я приносил ему плед, горячий чай, он послал меня куда подальше.

Жека думает. Вспоминает. Работа такая у Жеки, думать. Вспоминать. Что Олег, куда Олег, зачем Олег, почему Олег. А то ведь Олега нет давным-давно, а люди про него все знать хотят. Как жил, как пил, как ел, как сморкался, в платок, или так, на землю, а ложку из чашки вытаскивал, или нет, или при нем специальный человек приставлен был, который ему ложку из чашки вытаскивал, как спал, на спине, или на боку, а голову одеялом закрывал, или нет.

Ну да...

Голову всегда закрывал одеялом, говорил, что до сих пор в свои тридцать лет боится темноты. Даже когда он вставал ночью, он накрывал голову одеялом, как капюшоном, держал так, пока не добирался до выключателя в другом конце комнаты. Помню, однажды одеяло соскользнуло – Олег в панике набрасывал его обратно, помню, он даже трясся от страха. Я много раз предлагал ему оставить на ночь свет или сделать ночник возле постели. Он категорически отказывался, будто я предлагал ему что-то ужасное.

XXI век – DLV век

Визг тормозов.

Глухой удар.

Нет, глухого удара еще нет, он будет через какие-то доли секунды, мерзкий стук бампера о живую плоть, парень еще пытается куда-то свернуть, чувствует, понимает – сворачивать некуда... В памяти мать, что есть силы дернувшая за руку, дорога, дорога, ком-му сказала, идиотище...

Здесь за руку никто не дернет, не успеет, бампер близко, слишком близко, остановись, остановись, блин, мгновенье, ты прекрасно...

Бампер замирает.

Замирают все звуки вокруг, парень бежит через дорогу, машины на которой почему-то не двигаются. Кто-то хватается его за руку, тащит куда-то, что-то сжимает виски, больно, сильно, мир рушится в темноту...

– ...дорога... до-ро-га...

– Да, да, вы шли по дороге.

– Дорога... машина...

– Да, вы чуть не попали под машину.

– Машина... нельзя...

– Ну конечно, нельзя людей сбивать... водителя судить надо...

Над парнем наклоняется бледное лицо, как будто бескровное:

– Чекин?

– А?

– Вы... Чекин?

– А... да. Чекин, Чекин...

Кто-то смотрит на время: минута в минуту, секунда в секунду.

– Успели. Спасли.

XXI век

Сегодня я опять видел сон про то, как спасли Чекина. За завтраком про сон не говорили, и так понятно, что его видели все семь миллиардов, или сколько нас там...

Жека думает, что еще писать. Вроде бы не к месту про сон. Да что не к месту, это же сон про Чекина... как в анекдоте: рисует Чекин модель вселенной. Не смешно? Зато про Чекина.

ММММ век

ЧЕКИН Олег Андреевич. 1989—2019 гг. Главный Восстановитель (см). Спас мир в... году. Погиб в 2019 г. в автомобильной катастрофе. Является одним из Перемещенцев (см).

Олег родился в городе Воронеже. В те времена городом называли совокупность построек, в которых жили люди, не связанные даже ментальными контактами. Родился Олег, как и большинство людей в те времена естественным путем, как животное, про сотворение тогда слыхом не слыхали.

Становление Олега прошло в том же якобы городе. То есть, про становление тогда еще слыхом не слыхали, человек просто впитывал в себя информацию, какая ему подвернется. В 1996 году Олег...

XXI век

– ...Жека, я стесняюсь спросить, ты разбегание Вселенной рассчитывать собираешься, или нет?

Жека отрывается от учебника истории. Конечно, от копии, кто ему оригинал даст, оригинал хранится в какой-нибудь палате мер и весов в каком-нибудь Париже.

– Ага... счас, счас.

– Да не счас, а сейчас же, это еще вчера надо было сделать!

Планшетник в руках Олега летит через всю комнату, разлетается о стену Большим Взрывом.

– Нет, как мне прикажете работать с такими, я вас спрашиваю? – Олег обращается ко всем, и в то же время ни к кому, – как я могу с ними хоть что-то сделать, а? Это они сделать не изволят, про то забыли, это вообще не вспоминали...

Жека сжимает зубы. Олег бросает ему через весь стол бумаги, истерзанные интегралами, иксами, корнями квадратными и треугольными.

– Ты хоть понимаешь, о чем речь шла? Понимаешь?

– Н-не совсем.

– А не совсем, так о чем мне с вами вообще говорить? – Олег пафосно оглядывает притихших работников, хлопает дверью. Жека вздрагивает, будто его самого этой дверью хлопнули.

– Что ж ты так... с Олегом, – бормочет Настенька, ее, блин, не спросили.

– Что нам теперь его на руках носить?

– А ты как думал... таких только на руках носить...

Жека чувствует, что на него все смотрят, выходит в коридор. А то опять начнется, тут только и ждут, когда кто чем Олега обидит – тут же накинута на виноватого, заклевать вдоль и поперек... Вы еще под трибунал Жеку отправьте еще на костре сожгите и прах развейте по ветру, и запретите поминать имя Жекино в веках...

От нечего делать Жека пишет на планшетнике дневник, а то еще за дневник спросят...

Сегодня опять видел сон, как Олег...

DLV век

- ...сколько нам осталось?
- Да месяца три... или два, один прошел уже.
- Нехило. А потом что?
- А потом землю разорвет к чертям... на куски...
- Неправильно вы говорите, сначала планеты с орбит сорвет, а потом уже через месяцок земля...
- Вы так говорите об этом спокойно...
- Человек с белым, бескровным лицом поворачивается к мясистому толстяре, злой, уставший, руки трясутся, глаза огнем горят:
- А вы что мне прикажете, головой о стенку биться? Рыдать в три ручья?
- В комнату просачивается лаборант, кажется, даже дверь не открывал, через щелку просочился.
- Эт... самое...
- Эт самое, на руинглише читать не умеете? Руинлнийским по белому написано, заседание, не входить! Или типа входить нельзя, вползать можно?
- Эт самое... началось...
- ...в деревне утро. Закричали, блин, петухи... вон пошел, пока я в тебя не запустил чем-нибудь... что началось-то?
- Конец света, вот что.
- Ты еще начальству хамить бушь?
- Да нет, я серьезно. Плутон... с орбиты улетел.
- Да что ж молчишь-то, мы...
- Люди включают в головах экраны, вовремя, чтобы увидеть, как с орбиты срываются спутники Нептуна, а за ними и сам Нептун, вот только что был – исчез за горизонтом событий.
- А говорили, три месяца осталось... – шепчет кто-то. кого-то тут же бьют ментальным разрядом, больно, сильно, мог бы и не напоминать.
- Люди не успевают отключить экраны, смотрят, как с орбиты срывается Уран...
- Да выключите вы это, давайте что-нибудь нормальное глянем...
- Что нормальное, новости вам, что ли, включить?
- Хоть новости... тарифы на ментальку растут, скоро по-старинке начнем звуками разговаривать... а-я, у-ю... кто больше знает...
- ...рогие соотечественники, с тяжелым сердцем сообщаю вам, что настали последние дни... даже нет, последние часы нашей цивилизации. Только что сообщили, что планеты одна за другой срываются с орбит, скоро оче...
- Да выключите вы это...
- Сам просил...
- Дверь распаивается. Все смотрят на вошедшего человека, на самострел в его руке.
- Чекин, вы что, совсем уже...

XXI век

...не терпел, когда ему возражали, он вообще не представлял, что ему кто-то может возразить. Один раз для каких-то исследований ему понадобился ракетносец. Олег тут же позвонил мне и потребовал, чтобы я раздобыл ракетносец. Я попытался мягко возразить ему, что это невозможно, но такого слова в мире Чекина просто не существовало. Я сделал вид, что согласился – просто чтобы не нарваться на скандал.

На следующее утро Чекин узнал, что ракетносеца так и нет – и пришел в ярость, в свое обычное состояние, когда у него все летит по комнате и разбивается о стены. Потом он ушел куда-то, его не было целый день, на звонки он не отвечал. Мы сбились с ног, искали его, кто-то догадался обратиться в Минобороны. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что Чекин уже договаривается с тогдашним министром. Как у него это получилось – не знаю.

В результате эксперимента ракетносец был затоплен, но за свой эксперимент Чекин получил международную премию, которой расплатился с министерством.

В жизни Олега вообще все было просто. Даже слишком просто. В другой раз ему понравилась жена одного из тугих кошельков, которые финансировали наши проекты. Мы намекали Олегу, что его ухаживания могут закончиться плохо...

Жека еще хочет отключить телефон, снова завалиться спать, да какое там отключить, какое там спать, ясен пень, это ж Олежка, Олежке не спится, тут вообще никому спать нельзя...

– Жека, не спишь?

– Сплю, а ты как думал?

– Ну, извини. Это, самое, мне космический челнок нужен.

– Сейчас? В три часа ночи?

– И что?

Жека сжимает зубы. Олег все равно не поймет – и что, хоть в три, хоть в два, хоть во сколько...

– И... как быстро он тебе нужен?

Смешок в трубке.

– Вчера!

Жека терпеливо выискивает в Сети номер...

– Алло, Роскосмос? Вас от Чекина беспокоят...

...когда он сказал договориться насчет космического челнока, я был в шоке. Хотя я понимал, что Олег, если ему не дадут челнок, просто его угонит, как уже было однажды с самолетом. Олегу было бесполезно объяснять, что такое нельзя, что такое чужое – если ему нужна была вещь, он ее просто брал. Еще в детстве помню, как он разломал комп у отца, потому что ему нужна была какая-то деталь для вечного двигателя. Что самое интересное, вечный двигатель работал.

Я еще подумал, что лучше бы было как вчера, когда Олегу срочно понадобились цветы для очередной его пассии, он позвонил мне...

Жека кусает губы.

Лезвие неприятно холодит руку, вот, блин, всегда нравился холодок металла, а теперь такое чувство, что этот металл уже прорезал пальцы...

Жека входит в комнату, где посреди бумаг на полу спит Олег, как всегда закрылся с головой одеялом, главное, голову закрыть, торчат чумазные пятки в драных носках...

Жека смотрит.

И этот человек спасет мир...

Спасет мир...

Ага, щас.

Врите больше.

Жека заносит нож, минуты капают в вечность. Лезвие неприятно холодит, тут, главное, опустить, это тебе за все, за все, за-все-за-все-за-все, за жизнь у тебя в услужении, за Ленку, это я с ней в загсе расписывался, не ты, и не тебе ее тра... из-звините за выражение, и за эти все – Жека, я стесняюсь спросить, ты каким местом думал, нет, я понимаю, не головой, а мне интересно, каким?

Холодит клинок...

Олег отдергивает одеяло, сонно потягивается...

– Ты... ты чего, а?

...ловное дело возбуждать отказался, мотивируя тем, что не хочет судиться со старшим братом, Евгений Чекин уволен из компании Олега Чекина по статье...

XXI век – DLV век

...идет через улицу, как всегда не видит улицу, мысли где-то там, там, в темных энергиях и темных материях, как всегда ни до кого и ни до чего... где-то на полдороге краем глаза видит, что на светофоре красный, что это значит, когда красный, шутка такая есть, что нужно делать, когда видишь зеленого человечка, – переходить улицу...

Бежит через дорогу, кто-то отчаянно сигналиит, парень, я тебе башку оторву, только попробуй, пошли все на фиг, а согласно теории струн девять измерений, а согласно бозонной теории двадцать семь, так кто из них прав...

Визг тормозов...

Асфальт падает по наклонной...

Бампер – в миллиметрах от виска...

...секунды растягиваются в вечность...

XXI век

...сегодня опять видел сон, как Олега спасают из-под колес. Как всегда сон очень реалистичный, меня прямо-таки подбросило во сне, когда...

Жека пишет. Спыхватывается, для кого он это пишет, из биографов тоже уволили. Ну да ладно, может, продаст. По ту сторону будущего: как я жил с величайшим человеком всех времен и народов. Может, кто купит. Да что значит может, конечно, купит, это же про Олега, про Чекина... Как в анекдоте, спасает Чекин мир... не смешно? Зато про Чекина.

ММММ век

– Ну... он это... мир спас.

– ...от жабокрылых пришельцев, – в тон добавляет учитель.

Класс фыркает, пацан на первом ряду грохается лбом о парту, в классе хохочут еще громче.

– Ну это... от темной материи.

– Ага, напала, значит, на мир, темная материя, у-у, страш-шная, а Чекин вышел с мечом-кладенцом... или с бластером наперевес? Бились три дня и три ночи...

Класс заливается хохотом, парень у доски скалит зубы, пусть острит учитель, только чтобы пару не вlepил...

– Да нет... он это... астрофизик был.

– Ой, как хорошо, вот мы и выяснили, что Чекин был астрофизик, а не чистильщик унитапов...

Парень фыркает. Смотрит на учителя, ну давай уже, нарисуй мне троечку, прости и отпусти... Не учил, что непонятно-то...

– И как же он это сделал?

– А неизвестно. Он еще не сделал. Сделает. В будущем.

– Вот оно как... а вы тогда откуда об этом знаете?

– Ну... из учебника...

– И из какого же? Вон их сколько у меня на планшете, может, подскажите?

Парень смотрит на учителя, говорит серьезно:

– То учебники, а то Учебник.

– Тоже верно... садитесь, троечка... вот, блин, уж про такого-то человека можно и выучить...

XXI век

...он всегда верил в свое высокое предназначение, даже еще когда про Учебник слыхом не слышали. Когда мы играли с другими детьми, он требовал, чтобы ему давали лучшие куски, и игрушки, какие он захочет, и насовсем. Помню, как мать пыталась стыдить его, ты что, Леженька, особенный? Помню, как он прижимал к себе какой-нибудь конструктор и кричал – да, да, особенный, особенный. Он говорил это не как капризный ребенок, который хочет поспорить со взрослыми, он действительно верил, что он особенный. И когда он говорил, что не пойдет в школу, потому что ничего кроме астрофизики ему неинтересно – я понимал, что он не капризничает, что он действительно не будет учиться, делайте с ним, что хотите – не будет.

Отец хотел отдать Олега в интернат для трудных подростков – не успел. Люди узнали про Учебник. Помню тот день, когда на пороге нашей квартиры появились люди в форме, спросили, здесь ли живет Олег Чекин. Отец забормотал еще что-то вроде, а что он натворил, но я уже почувствовал, что тут все сложнее...

DLV век

– Вы... вас машина не задела?

Чекин оглядывает людей, мало чем похожих на людей. Когда спрашивают, надо отвечать, знать бы еще, как это сделать, когда язык прилипает к небу.

– А... да нет.

– У вас кровь на лице. Дайте заживлю...

Нечеловеческая рука тянется к Чекину, так и хочется отскочить.

– С-спасибо. А вы... с какой планеты?

Смешки.

– Местные мы, местные, не бойтесь... понимаете ли, господин Чекин... Чекин?

– Ну да.

– Вы должны были умереть. Сегодня.

– Догадываюсь. Это... спасибо большое...

Чекин пытается унять дрожь в руках, не может. Сейчас бы попросить что-нибудь выпить, да у них, поди, и нет...

– Понимаете ли, нам стало известно, что вы единственный человек, который может...

XXI век

Олег переходит улицу, какой-то лихач выворачивает откуда-то из ниоткуда, вырывает куда-то в никуда. Олег замирает, чувствует, как ёкает сердце, неужели это случится сейчас... дзинь, гр-рох, пьяный лихач врезается в цветочный киоск. Смятые решетки, осколки, чайные розы в потоках чьей-то крови.

Чекин переводит дух.

Не сейчас.

Ну конечно, в Учебнике написано, двадцать девятый год, а сейчас двадцать восьмой доползает...

...там, где другие бились над задачей многие годы, он мог решить все с первого взгляда. Он смотрел на мир настолько по-своему, что видел то, чего не видел никто. Мне кажется, родись он на пяток столетий раньше, он бы кончил свои дни на костре. Но даже в нашем веке его побаивались. Мне кажется, Темная Материя сама выбрала из миллиардов и миллиардов одного-единственного человека – достойного противника самой себе...

Жека кусает губы.

Как-то так...

Или не так...

Дался ему этот Чекин...

А как не дался, за биографию Чекина кругленькие суммы дают. Как в анекдоте. Сражается Чекин с темной материей... не смешно? Зато про Чекина.

DLV век

- Чекин, вы с ума сошли... пушку уберите.
- Быстро... выбрасывайте в небо графитные бомбы.
- До кучи атмосферу загубить хотите?
- Выше... в космос... делайте, как я сказал, или перестреляю всех.
- Чекин, вы мне за это ответите.
- Ничего он вам за это не ответит, миру-то осталось хрен да маленько...
- Ага... решили напоследок нас очередной своей выходкой порадовать...
- Не будет никакого напоследок.
- Хотите сказать... знаете, как остановить это?
- Знаю.
- Так что ж раньше молчали, когда вселенная...
- Раньше не знал. Действуйте.

Мир ждет.

Мир, сжавшийся до размеров Солнечной Системы. Остатков Солнечной Системы. Каждое утро люди включают экраны, не понимают, как Земля все еще не сорвалась с орбиты...

ММММ век

БИЛЕТ 1 СТРОЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

Наша вселенная представляет собой пространство, в центре которого находится Солнце – раскаленный огненный шар. Вокруг Солнца по эллиптическим орбитам вращаются четыре планеты, Меркурий, Венера, Земля и Марс. Между Землей и Марсом находится кольцо астероидов, предположительно, в прошлом там тоже находилась планета (см. Фазтон).

За пределами Солнечной Системы находится множество отдельных частиц – микронов, самых крохотных частиц во вселенной, которые отстоят друг от друга на бесконечно большое расстояние (см. горизонт событий).

БИЛЕТ 2 ИСТОРИЯ ВСЕЛЕННОЙ

...ныне Вселенная представляла собой скопление галактик, которые в свою очередь были скоплением звезд, таких же, как наше Солнце. Но вследствие Большого Разрыва под воздействием Темной Материи...

– Давайте так... все шпаргалки... у кого что есть в голове... мне в резервную память скинем.

– А можно мне еще шпору на минуточку, я не дописал?

– Ну-ну...

БИЛЕТ 17 ЗНАЧЕНИЕ ЧЕКИНА В СПАСЕНИИ ВСЕЛЕННОЙ

– Ну и где вы это взяли, Коллега?

– В учебнике.

– У нас много таких.

– То учебники, а то Учебник... в котором все про нас написано.

– Может, тогда скажете, откуда взялся Учебник?

– Из будущего.

– Как? На машине времени прилетел?

– Никто не знает. Просто взялся. И все.

– Где? На улице ни с того ни с сего появился?

– Везде. В библиотеках, в магазинах... в домах на полках...

– Ну, это могло быть и мистификацией, не так ли?

– Нет. Не так. Люди видели, из какого материала он сделан... его и на куски резать можно, и жечь, и хоть что... он восстановится... и снаружи как тоненькая книжечка, а внутри страниц тысячу с лишним... гипертекстовые ссылки... вот так, на бумаге...

– Ну, это не бумага... это другое что. В общем-то правильно. На троечку натянули...

XXI век

- Ну вот что, с Нюшкой я танцевать буду... и вечером, и... после.
- Жека смотрит на Олега, не понимает.
- Ч-чего ради?
- Того ради. Мне еще мир спасти...

Жека сжимает кулаки. Это давно было, еще с незапамятных времен, Жек, сделай за меня физику, мне еще мир спасти, Жек, стоняй за пивасиком, мне еще мир спасти... и еще раньше, когда Олежа, Леженька, Лежечка, выхватывал что-нибудь у Жеки, а-а-а, мне-ее-е, чего ради тебе, ты что, особенный какой-то? И Лежечка сжимал детские кулачки, кричал – да, да, особенный!

Биографию...

Да, биографию Олежакину написать – как два пальца об асфальт, припомнить все свои детские обиды, и вперед...

Жека замедляет шаг.

Вот он, Олег, идет впереди, как нарочно, выскользнул откуда-то из ниоткуда... хрупенькая дамочка осторожно подходит бочком-бочком, просит автограф... началось, блин... в деревне утро. Закричали, блин... петухи. Олежака идет дальше, через улицу, как всегда на красный свет, идиотище, чтоб тебя маши... тьфу, тьфу, чтоб меня, что я такое думаю...

Пьяный лихач вылетает откуда-то из ниоткуда.

Жека сам не понимает, как оказывается на середине улицы, отшвыривает Олега из-под колес, в какие-то последние доли секунды, Жека видит летящий бампер, в каких-то миллиметрах, ау, темная материя, ты где, раскидай меня с этим джипом по разные стороны вселенной... за горизонт событий...

Кто-то хватается Жеку за руку, тащит в темноту... рушится мир...

XXI век – DLV век

- ...дорога... до-ро-га...
- Да, да, вы шли по дороге.
- Дорога... машина...
- Да, вы чуть не попали под машину.
- Машина... нельзя...
- Ну конечно, нельзя людей сбивать... водителя судить надо...
- Жека вздрагивает. Оглядывает людей, не похожих на людей.
- А вы...
- Вы Чекин?
- Ага... только... я Евгений Чекин, Евгений...
- Правда? У нас записано как Олег...
- Жека смотрит на свою фотографию на стене, на подпись внизу – Олег Чекин, начинает понимать все...
- Видите ли, Олег... вы должны были умереть...
- Жека готовится слушать. Пусть человек знает, что Жека всего этого не знает. Пусть говорит...

Запчасти

- На какую зарплату вы рассчитываете?
- Ну... у вас тут в объявлении написано тыщ двадцать, меня устроит.
- Оч-чень хорошо... Модель у вас какая?
- М-м-м... семерка.
- К-как семерка, их год назад с потока сняли... Ну-ка дайте я гляну... Ну что вы говорите, восьмая у вас... Выдумали, семерка.
- А-а, значит, восьмая.
- И так спокойно говорите... Таймер новый стоит?
- Старенький.
- Что ж вы так... сколько скоростей?
- Три.
- М-м-м... ночное видение?
- Есть.
- Инфракрасное?
- А... такое бывает?
- Бывает... Ну что же... большое спасибо, с вами все понятно... мы вам позвоним...

...девятая модель – это не только плавное переключение скоростей с первой до пятой, это не только ночное видение и рентгеновское излучение. Прежде всего это умопомрачительный, совершенно новый дизайн, которому нет аналогов в мире, экстерьер, разработанный ведущими модельерами Европы, это съемные панели, переключатель тембра в широчайшем диапазоне. Будущее создается уже сегодня, и вы можете в этом участвовать.

Антропостар. Переходи на новый уровень.

- Слушай, не в службу, а в дружбу, у тебя запчасти есть?
- Я вам что, магазин запчастей, или как?
- Ну-у... Я же не насовсем, я верну потом.
- Верну... платы до сих пор не вернул. Ска-а-азочник...
- Да ну тебя совсем...
- Что надо-то?
- Видеокамеры есть?
- Вот так... две осталось, вынь да положь...
- Ну а ты как хочешь, мне домой переться, не вижу ни хрена.
- На уж...
- Черт, не вставляется...
- А ты как хотел... у тебя модель какая?
- Десятая.
- Тьфу на тебя. Еще камеру из одиннадцатой модели в свою десятку запихнуть хотел. Новую моделькой-то не судьба разжиться?
- Да ну тебя, я вам чего, Рокфеллер, каждые полгода новую модель...
- А ты как хотел... Да тут не на полгода затянул, вообще на многонько... десятку свою вообще можешь на свалку выкинуть...
- А сам на чем буду?
- На чем, на одиннадцатой... у них там сейчас кредит хороший, ноль, ноль, ноль, ноль первоначальный взнос, ноль переплаты, ноль процентов... Ладно, пошел я, мне еще добрых людей искать... сцепление полетело, позавчера только менял...

Двенадцатая модель – это больше чем просто модель, это больше, чем просто уровень, это новый уровень жизни, новый взгляд на мир, новая философия бытия. Расширение до... пикселей, дальность видения до пяти километров, это диапазон волн от у-ка-вэ до самых отдаленных радиостанций, это тысяча мегабит в секунду, скорости до трехсот километров в час. Плавный рывок с места, мгновенный набор скорости, широчайшие вариации интерфейса. Шагни в будущее уже сейчас с двенадцатой моделью Антропостар.

Антропостар – завтра зависит от тебя.

- А меня, девчонки, можете поздравить.
- И поздравим. А с чем?
- Пятнадчик купила.
- Что, опять кассирша эти пятнадцатитысячные выдает? Задолбала, овца пуховая...
- Да ну тебя, Танька, не поняла, что ли, про какой пятнадчик я говорю?
- Ты чего, уже в продажу вышел?
- Да давно уже... слушайте, мне Антоха этот пятнадчик взял...
- Везет же некоторым... это он так предложение сделал?
- А не знаю... да что предложение, антохи эти приходят и уходят, а пятнадчик со мной останется...
- Ой, гляди, Ирка, он тебе какой-нибудь чип туда встроил, договоришься сейчас...
- И договорюсь, а пятнадчик со мной останется...
- Люська, чего опаздываешь-то? О-ох, дома, что ли, не ночевала, в той же блузке пришла?
- Да ну вас...
- Что да ну, давай, колись, где, с кем... Слышала, Ирка-то у нас счастли-и-и-вая ходит...
- Конопля обкурилась, что ли?
- Да ну тебя, пятнадчик купила...
- Охренела? Четырнадцатая у тебя осталась?
- Осталась, я ее уже Максику обещала, так что опоздала, Люсинда.
- Выбрось этот пятнадчик на хрен.
- Рехнулась?
- Да не рехнулась... что-то про него нехорошее говорят.
- Говорят... говорят, что кур доят...
- Да нет, правда, намудрили там с ним что-то япошки...
- Ну да, инструкцию читала, вообще мозги себе взорвала... Да ничего, разберусь, что ж я, совсем долбанутая... не все же блондинки дуры...
- Щ-щас получишь у меня, Ируха...

...переходим к хорошим новостям, стартовала в продаже Семнадцатая модель. С самого утра перед магазинами Антропостар можно видеть километровые очереди, в некоторых городах, например, Нью-Йорке или в Токио люди занимали очередь с вечера...

– Да, я ночевала в своей машине... (смеется). Да, для меня это такое знаменательное событие... Ну... я даже не знаю, как сказать... (смеется).

Уже за первые полдня в городе было продано более сорока тысяч экземпляров, эксперты прогнозируют, что к вечеру количество проданных экземпляров может перейти за миллион.

– Можно поздравить вас с покупкой, не так ли?

– Так ли... вот, решил с утрачка пораньше обновиться, пришел, тут очередь до хренища, как при Горбачеве... ну ничего, выстоял, я такой человек, уж если что хочу, от своего не отступлюсь... вот, модельку себе поменял...

– Страшно было?

– Да что страшно... Не в первый раз. Ну, знаете, когда тебя в это кресло усаживают... как в стоматологии... вот тогда страшно бывает, так и кажется, сейчас тебе зубы сверлить начнут... или мозги. Потом маску эту надевают, чувство такое...

– Вырваться хочется?

– Ну... Я и рвался пару раз, меня за руки держали... а потом сладко так в душе... И просыпаешься, и ты уже семнадцатый... Прикольно так, я скоростей семнадцатого не знаю, на максимум включил, а он же над землей летать может... из окна выпорхнул...

– Бесплатная реклама Антопостар...

– Ну...

– В следующем выпуске новостей вы услышите официальное обращение генерального директора Антропостар Томото Токавы в связи с...

– Ну что ты такая стеснительная... Дай хоть посмотрю на тебя...

– Да не на что смотреть...

– Как это не на что смотреть, очень даже есть на что... это эти все девки в конторе, ни рожи, ни кожи... ух, грудочка у тебя...

– Сама выбирала... индивидуальный заказ...

– А модель какая?

– Хорошая.

– Нет, правда?

– Восемнадцик. На хрена спросил, сама стесняюсь, что на девятнадцатую поменять до сих пор не могу.

– И не меняй... Проклята эта девятнадцатая.

– Как понять проклятая?

– Так понять... Ну... говорят про нее что-то нехорошее. В продажу выпустили, в Америке полтора человека купили, в Японии вообще никто... китаезы туда же... это мы тут фанатеем, а-а-а, новая модель, побежали брать...

– А что с ней так?

– Да не знаю... с Кирюхой разговаривал, ну ты его знаешь, отдел доставки... он говорит, производителей этих к стенке бы ставил, расстреливал.

– Тьфу на тебя, напугал так... романтический вечер... А ты свет-то совсем не гаси, а то я боюсь...

– А не бойся, я с тобой... Нда-а, с талией ты что-то переборщила, тоже заказ индивидуальный?

– Ну... гордость моя.

– Го-ордость... Попролам-то не сломаешься, гордая?

– Там титановый каркас в позвоночнике... и еще много чего.

– Тьфу, зачем сказала... вот так, обнимаешь, ласкаешь, как подумаешь, что у тебя там... внутри...

– А не думай... слушай, подзарядиться от тебя можно? Зарядник сдох...

– Вот ты какая... коварная...

Мы ждали этот день!

Мы ждали этот час!

И он пришел!

Двадцать первый век – двадцать первая модель! Забудьте все, что вы до этого знали об Антропостар! То, что вы видите на экране – это не компьютерная графика, это реальные возможности новой модели! Скорость до пятисот километров в час, прыжки – до четырех

метров, объем памяти – до полутора миллиардов терабайт, сто тысяч мегабит в секунду. Все радиостанции мира, удивительная четкость звучания. Сила руки – до...

Кирюху я пережил не намного. Еще пытался что-то сделать, когда он умер, еще тащил его на себе – по бездорожью, по захолустью, еще искал этот долбанный сервисный центр, как будто можно найти в нашем захолустье этот долбанный сервисный центр. Уже понял, что ничего не сделаю – когда стали попадаться какие-то поселушечки, улицы, усеянные трупами. И не поймешь, живы, мертвы, можно еще спасти, поменять детальку-другую, или все уже, полетело что-то жизненно нужное, важное, и осталось похоронить все вместе взятое, с какими-то микросхемами, микроплатами, микрочипами, в которых по инструкции записана память, а по слухам – душа.

Я умер на бездорожье, свалился в мартовскую слякоть – подмял под себя Кирюху. Еще пытался выкарабкаться, руки не слушались, будто были не мои, ноги подрагивали, жили сами по себе, пытался ползти на этих живущих самих по себе ногах, не смог.

Запчасти... знать бы, где эти чертовы запчасти, да что запчасти, знать бы еще, что менять, где менять, как менять... Смотрел на людей – неподвижных, лежащих в слякоти, проклятая мыслишка, слишком поздно пришла в голову, вскрыть какого-нибудь бедолагу одного роста со мной, поменяться с ним платами, чипами, видеокартами, рычагами, суставами, сцеплениями, где-нибудь да и найду эту проклятую поломку... только чтобы вскрыть, нужно самому двигаться, что не дано, то не дано...

Вешняя слякоть.

Первый дождь падает на неподвижные лица, запрокинутые к небу.

И проклятый мотивчик не уходит из памяти – в-двад-цать-два-на-чи-на-ет-ся-кош-мар...

Я увидел его слишком поздно – когда он уже проходил мимо, в побитой жизнью куртешке, весь какой-то озябший, нахохленный, орал что-то в сотовый, да, здесь, да, в Антоновском, да, все лежмя лежат, да я откуда знаю, что с ними... Я окликнул его – даже не надеялся, что он услышит, просто окликнул в пустоту...

Он обернулся – высохший, поджарый, морщинистый, я еще подумал, интересный у него экстерьер, я таких в каталогах не видел. Да и то правда, кто эти каталоги смотрит, сейчас все на индивидуальный заказ...

Я снова окликнул его – он подошел, легко, плавно, сел на корточки, от него пахло табаком.

– Что надо-то?

– По... помощи...

– Чем? Я-то откуда знаю, как вас всех чинить, не мастер, чай...

– До... до сервисного... це... центра...

– Ага, там сейчас знаешь таких сколько...

– По... пожа...

– Ну, пошли, пошли... о-ох, тяжелый, собака...

– Ки... кирю...

– И за Кирей твоим потом вернемся... вообще дурдом, в скорую звоню, там автоответчик... как вся страна повымерла...

Он шел, тащил меня за собой по слякоти, прощайте, брюки, прощай все, то и дело останавливался перевести дух, я все гадал, когда он свалится, когда откажет у него что-нибудь...

– А мо... модель у те... бя... какая?

– Хорошая.

И не говори, больно надо... сила захвата больше походила на двадцать первую, но экстерьер... нет, это только двадцать вторая...

– А где двадцать вторая, там и запчасти, которые дохнут через полмесяца...

Гарантия полгода...

Гарантийный ремонт не распространяется на поломки, произошедшие по вине пользователя...

– На тебе твой сервисный центр... вповалку все лежат...

– Вот черт...

– Он самый.

Все так и ждалось внутри, только не уходи, только не бросай нас здесь, только не... Он как будто и сам понял, открыл мою грудь, заглянул в сплетение микросхем...

– Счас, инструкцию найду... О-ох, сам черт ногу сломит... счас, буду платы менять...

– Ага, меняй...

– Черт тебя дери, какая ты модель... неладно скроен, да крепко сшит... больше похоже на самые первые, седьмую или восьмую... А что, в таком захолустье могла сохраниться и семерка, тут нет строгих людей в строгих офисах, которые смотрят на номер модели и показывают на дверь...

– А все-таки... модель какая?

– Не бойсь, про твою читаю, двадцать вторую... счас, платочку отвинчу...

– Да нет... у тебя.

– Говорю, хорошая.

Хотел сказать – ну тебя, не успел, что-то шевельнулось в груди, так и подскочил на месте, есть в жизни счастье, когда твое тело принадлежит тебе...

– Чш, не дергайся, дай хоть крышку на место ткну, опять счас посыплется все...

– Спасибо...

– Не во что.

– И будет во что, я сейчас... я мигом... до магазина, тебя чем порадовать?

– Ничем меня не порадовать, давай этих чинить... О-ох, кто ж эту инструкцию-то писал, хоть бы микроскоп к ней приставили... Ну что ты на меня смотришь, гляди, я за смотр деньги беру...

Я смотрел на него – не понимал, посадка головы выдавала какую-то совсем раннюю модель, шестую или пятую, порезы на руках могли остаться вообще у каких-нибудь допотопных четверок...

Ближе к вечеру оживили Кирюху и еще двоих в сервисном центре, работа пошла быстрее, еще бы не думать, что еще воскрешать и воскрешать, шесть миллиардов, или сколько нас там сейчас...

Понять бы еще, что за модель, нет, зря я его к старичкам причислял, что-то из новых, у старичков такое не видел. Когда ближе к вечеру расселись заряжаться, выпотрошил из сумки что-то белое, рассыпчатое, хватал губами, ртом, проталкивал в горло, так я и не понял, что это было, подзарядка или прочистка двигателей. Ближе к ночи он куда-то пропал, появился только к утру, потягивался, щурился, широко раскрывал рот. Я снова спросил его про модель, он ляпнул – пятидесятая, так я и не понял, шутки он со мной шутил, или правда... а кто знает, это у нас двадцать вторая, а где-нибудь в столице уже и тридцатая, чего доброго, есть... А в Европе и сороковая, а в каких-нибудь секретных лабораториях и пятидесятую сварганили...

Хранить вечно

Знать бы, кто тебя убил...

Знать бы, кто это сделал – я бы не пощадил его.

Я бы нашел его на дне океана. И на вершине самой высокой горы я бы нашел его. И там, на самом краю земли, куда уходит солнце – я бы нашел его, я бы пронзил его грудь мечом, как он пронзил твою грудь, и он лежал бы бездыханный у моих ног, как ты лежишь сейчас в холодной гробнице...

Элл моя.

Все, что было у меня – моя Элл.

Все еще не верю, что ты умерла, все еще не понимаю, как так может быть, что тебя нет. Ты лежишь передо мной в прозрачной усыпальнице – не могу сказать, гробу – и не верится, что ты не живая, я так и жду, что ты сейчас встанешь, сладко потянешься с твоей неповторимой грацией, посмотришь на меня сонными глазами, а что, уже утро?

Утро, Элл... вставай, дорогая, вставай...

Не встанешь, не проснешься – никогда, никогда, никогда, рваная рана на твоей груди зияет черной бездной. Почему ты не смотришь на меня, я пришел к тебе, Элл, я прихожу каждый день, я приношу тебе цветы – видишь, какие, тронутые ночной росой, белые, как звезды над твоей гробницей, Элл.

Вру – последние годы прихожу не каждый день, все время что-то мешает, какие-то повседневные дела – не имеющие без тебя никакого смысла. Смысл для меня остался только в двух вещах – найти, как вернуть тебя, Элл, хоть я и знаю, что это невозможно, и найти того, кто убил тебя, Элл, чтобы он страдал так же, как страдаю я сейчас.

Элл моя.

Все, что было у меня – Элл.

Кланяюсь, выхожу из гробницы – спускаюсь в город, один из тысячи моих городов. Я называю их своими, потому что кроме меня в них никого нет – все эти дворцы, проспекты, улицы, бульвары, храмы и высотки построены для одного меня, интересно, кем. Не помню, не знаю, кто и кому молился раньше в этих храмах – я молюсь в них своей Элл.

Память... вообще, странная штука – память, всякий раз, когда я пытаюсь что-то вспомнить, память разворачивается передо мной до каких-то пределов – а потом замирает, будто наткнется на какую-то препону. Моя память как будто убегает от меня, прячется по пустым залам больших домов, по темным комнатам, по переулкам, изредка показывается – не вся, чуть-чуть, только самый краешек, – и снова исчезает.

И не поймать ее, не схватить, не вспомнить, кто пронзил сердце твое, Элл. Если бы я знал, где лежит моя память – я бы пошел за ней на край света, если бы я знал, в какой бутылке хранится моя память, я бы выпил ее залпом, если бы память моя лежала в центре земли, я бы рыл землю – все глубже и глубже, пока не докопался бы до памяти своей. Но память не хранят в бутылках, и память не лежит глубоко под землей – и я не знаю, какой злодей пронзил грудь твою, Элл...

Многого не помню. Не помню, кто построил эти дворцы и храмы, не помню, кто жил в них раньше, вон у берега моря стоит парусник, я не помню, кто и когда выходил на нем в море...

Кто-то здесь был, что-то было здесь – но кто и что, я не знаю, память моя играет со мной, прячется по закоулкам, смеется чему-то, помахивает длинным хвостом...

Прощай, Элл...

Скоро мы снова встретимся, скоро я приду к тебе.

Так я думаю – а сам налегаю на весла, Элл, я знаю, тебе горько будет узнать, что я погиб, погиб в океане, где мы так любили ходить под парусом – еще когда были вместе, Элл. Я уже и не помню, как это было, память кидает мне какие-то огрызки, обрывки, помню, было что-то светлое, сладкое, безмятежное, с тобой, Элл, здесь мы забрасывали сети, здесь ловили серебрястых рыб, и ты закричала, когда морская звезда ужалила тебя за ногу, и я разрубил звезду пополам, а ты почему-то рассердилась, за что, бросил бы ее так в море...

Парусник снова накренился – нет, не доплыть, не добраться до берега, буря приближается – лилово-черная, стремительная, тяжеленные тучи нависают надо мной, готовые раздавить меня. Да, плохое я выбрал время для рыбалки... и не добраться до берега – а надо добраться, грести, грести, ради тебя, моя Элл.

Элл моя...

Все, что было у меня – моя Элл...

Элл... на дне лодки лежат коралловые бусы – еще один обрывок памяти о тебе, Элл, еще один кусок нашего прошлого – прошлого, которого у нас больше нет. Кто-то разбросал его, разорвал на фрагменты – ищи-свищи теперь их по всему миру...

Новый порыв ветра чуть не опрокидывает парусник – держись, держись, ради тебя, Элл, я должен держаться. Рано еще темнеть – а черные сумерки уже навалились на землю, сковали все непроглядной темнотой.

Берег...

Нет, не берег, маленький островок – слишком маленький, чтобы укрыться на нем от непогоды. Чего ради он подвернулся мне... вообще, кажется, я не видел его раньше – может, вообще плыву не к берегу, а от берега, навстречу гибели...

Скорее...

Ради тебя, Элл...

Миную островок, что-то привлекает мое внимание – даже сначала не понимаю, что. Маленький островок, маленькая башня, почему-то не разрушенная ветрами, три красных круга на двери башни...

Три красных круга...

Знак, который ставят на архивах.

Знак памяти...

Буря приближается – как-то быстро, слишком быстро, но все-таки замираю возле башни. Много таких архивов я повидал – в каждом городе видел башню с тремя кругами, а в башне лежало прошлое. Даже не само прошлое – его отпечаток, оттиск, память о прошлом. На дверях башен висели надписи – сколько лет хранить эту память, прежде чем можно будет открыть эту память. Я не знал, зачем это делают – это похоже на игру, когда можно сделать что-то только с восходом солнца, или на праздник – когда редкое вино можно достать только в новый год. В архивах бывало много всяких чудесных вещей – старинные легенды о войнах, про которые сейчас уже никто не помнит, упоминания о победах, про которые все забыли, и о поражениях, про которые почти никто не знал. Я любил открывать архивы – моя история, моя жизнь, только что зажатая в какие-то триста лет, разворачивалась на тысячелетия...

Так в одном архиве я прочитал, что когда-то на большой земле не было городов – а потом их построили.

А в другом архиве я прочитал, что когда-то на земле жили десять человек – не два, не пять, именно десять – и они делили землю, и перебили друг друга, и осталось только двое...

Я и Элл...

Моя Элл...

Все, что у меня было...

Новый порыв ветра чуть не переворачивает лодку. Надо спешить, некогда смотреть на архив, что бы там ни было – некогда. На всякий случай смотрю на дверь архива – там должно

быть написано, сколько лет хранить этот архив, прежде чем можно его открыть, посмотреть, прикоснуться к прошлому... Разные есть архивы, какие-то хранятся год, какие-то двадцать лет, видел даже башню, которую нельзя открывать тысячу лет – и срок этот еще не вышел.

В сумерках бури я ничего не увидел – хотел уже отвернуться, вспышка молнии озарила башню, я прочитал что-то...

Нет, этого не могло быть.

И все-таки...

Ждать новой молнии было некогда – лодка подпрыгивала, покачивалась, готовая вот-вот перевернуться. Я снова ударил в весла, я плыл и плыл к берегу, которого не видел в темноте – может, его там и не было...

Лодка перевернулась с новой вспышкой молнии – я сам не понял, как оказался в воде, холодной, приторно-соленой, есть у моря в непогоду какой-то странный привкус – привкус бури... не помню, как ноги ударились в каменистое дно, как я выбрался на берег – он оказался совсем рядом.

Волны бешено бились в прибрежные скалы, о том, чтобы вытаскивать лодку, не могло быть и речи. Карабкаясь по камням, в который раз представил возле себя Элл – мы шли вместе, хватаясь за руки, и дождь хлестал по ее темной спине, и она смеялась, а здорово мы в бурб попали, а? а здорово нас к берегу прибило, а?

Элл моя...

Все, что было у меня – моя Элл...

И все-таки образ Элл на этот раз был какой-то смутный, расплывчатый – она и вроде бы не она, со мной и вроде бы не со мной. А может, я думал о ней недостаточно сильно, мысли мои были заняты другим...

Не мог забыть, не мог стереть из памяти то, прочитанное на двери...

Кто это мог написать...

Что за чушь – кому такое вообще могло прийти в голову...

Всего два слова... но какие два слова, я их не понимаю...

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Элл...

Где ты, Элл...

Просыпаюсь, по привычке оглядываю комнату, ищу Элл, где она, обычно лежит во тут, рядом, разметав руки и ноги по одеялу, или сидит на кресле, темная точеная фигурка, пьет кофе. Элл нет, и я не понимаю, как такое может быть, что Элл нет – тут же спохватываюсь, что Элл давно уже нет.

Двести пятьдесят лет без Элл.

Эта цифра кажется невыносимой.

И все-таки... каждое утро просыпаюсь, ищу Элл, долго лежу в постели, долго не могу вспомнить, что ее уже нет.

Пью кофе – в кабинете, за столом, закусываю каким-то подвернувшимся под руку хлебом, и нет сил пойти за стол на кухне – где мы когда-то завтракали вместе, и Элл смеялась, когда капли кофе падали мне на рубашку. Теперь этот стол был как будто не для меня – как и весь большой дом, и все города, сколько их было по планете...

Допил кофе.

Вспомнил, что не обнимал никого уже двести пятьдесят лет – кажется, это слишком много.

Кажется, ночью видел Элл – конечно, во сне, наяву она не приходила никогда, помню, во сне мы вышли с ней на поле, вытаскивали что-то из земли, еще говорили друг другу, какой урожай хороший в этом году, на всю зиму хватит. Я говорил ей – как хорошо, что мы снова

вместе, она посмеивалась чему-то, я все спрашивал, где она была, она отвечала мне что-то, что вот, умерла, а теперь снова к тебе вернулась...

Потом проснулся, долго искал ее глазами...

Ладно, хватит сидеть, расселся, будто дел совсем нет – надо вставать, надо идти на поля, собирать зерно, кому и зачем это нужно – когда ее нет. Проще не задумываться, зачем я живу – теперь, после нее, так можно додуматься и до того, что поднимешься на гору и бросишься в пропасть.

Не думать...

Не вспоминать – тем более, что и вспоминать нечего, кто-то растерзал мою память, оставил мне жалкие обрывки, годные лишь на то, чтобы раззадорить мое любопытство...

Память...

Черт возьми, было же что-то... кто-то строил эти города, кто-то жил здесь, кто-то правил всеми этими городами – в архивах до сих пор читаю упоминания про светлейшего императора. Два раза находил на ровных горных плато отметины от чего-то, как мне казалось – от каких-то машин, может, кто-то спускался сюда с неба, со звезд, но кто и когда – я не помнил.

И, черт возьми – я не помнил, кто убил тебя, моя Элл.

Все чаще кажется – убийца тоже спустился со звезд, а когда убил мою Элл – снова поднялся к звездам. Может, он и стер мою память – потому что если бы я помнил его, я бы построил межзвездные корабли, выковал бы их в кузнице, я бы перелопатил все галактики – я бы нашел его, чтобы вонзить ему в грудь свой меч, как он вонзил меч в твою нежную грудь, моя Элл. Если бы я только помнил его...

Если бы я только помнил...

Память... снова встала перед глазами надпись – хранить вечно, я снова задумался, что может быть там, за семью печатями, за тяжелой дверью в высокой башне. Что-то... я вспомнил истории о злых джиннах, которые томились в заточении – века и века, потом кто-то выпускал их на волю – и они творили бесчисленные злодеяния...

Хранить вечно...

Чего ради вообще хранить память, если никто и никогда к ней не прикоснется...

Сам не знаю, как меня осенило – это была догадка, не более, но я додумался до нее – и уже не сомневался, что так оно и есть. Может, в этом самом архиве убийца и спрятал свою тайну – ото всех, от меня, и скрылся, оставив меня безутешным на пустой земле. Может, спустился со звезд и поднялся к звездам, может, убийцей и был тот император, о котором так много писали в старинных книгах.

Не знаю...

Я вышел в море на маленькой лодке – снова представлял рядом с собой тебя, моя Элл. Ты показывала мне на юг, говорила про тропические острова, а давай махнем туда, а давай лучше сразу на край земли, а давай в кругосветное путешествие... Ты любила меня так подзадоривать, моя Элл, давай, поплыли, что боишься-то? ну и что, что с собой ничего нет, наловим рыбы где-нибудь... проживем...

И снова вспоминал, что Элл нет – и снова сжималось сердце...

Я искал островок, я плыл, как мне казалось, к нему – но горизонт был пуст. Напрасно я вглядывался в шумящие волны – вокруг не было ничего, насколько хватало глаз...

Я вышел в море на второй день – я искал этот проклятый остров, я смотрел в мощнейший бинокль, – но он показывал мне только водную гладь. Элл подбадривала меня – Элл, которой не было, которую я представлял себе – но даже ее утешения казались жалкими.

И на третий день я вышел в море, и на третий день искал остров – но не видел ничего, кроме моря. Как будто какая-то сила специально прятала от меня этот остров – и все больше казалось, что он померещился мне тогда в темноте бури.

Элл...

Как отомстить за тебя, моя Элл...

К вечеру небо потемнело – снова приближалась буря, снова небо заволокло темными тучами. Я повернул лодку назад – лодка не поворачивалась, не хотела плыть, волны швыряли ее туда-сюда...

Назад...

До берега...

Если вообще доберусь...

Чего ради я ищу этот остров... раз написано – ХРАНИТЬ ВЕЧНО, значит, есть в этом какой-то смысл, с чего я взял, что там разгадка твоей смерти, Элл, ведь ты умерла без малого триста лет назад, а башня выглядит так, будто стояла лет тысячу... Мало ли что там – какие тайны могут быть за семью печатями, что такое – чего лучше не знать никогда....

Буря...

Черная буря...

Черная смерть...

Добраться до берега... для тебя, Элл... тебя уже нет, – все равно для тебя, Элл...

Я увидел его мельком, когда лодка завертелась на месте – даже подумал, что мне мерещится. Нет, правда – новая вспышка молнии озарила башню, высокую, кое-как притулившуюся на маленьком островке. Я еще не видел три красных круга – но я знал, что они есть, и не видя надпись – ХРАНИТЬ ВЕЧНО, я уже представлял ее...

Хранить вечно...

Открыть тяжелую дверь оказалось сложнее, чем я думал – хитроумные замки не поддавались, кто-то надежно хранил тайну, и если бы дверь не поистлела от времени, я бы не разбил ее топором. Там, за дверью, пахло прошлым – есть у прошлого особый дух, который остается в старых домах, куда долго никто не заглядывал.

Я испугался, что внутри ничего нет, что кто-то извел всю память – но нет, память была на месте, на полочках лежали маленькие хлебцы, в которые запекают память, чтобы от нее избавиться, и чтобы она не потерялась. Кто-то и правда оставил здесь свою память – сберег для каких-то поколений, для каких-то времен...

Ах да, хранить вечно...

Я осторожно взял с полки хлебец – ничего не случилось, никто не одернул меня, не схватил за руку, хватать было некому. Надкусил хлеб – еще, еще, ждал чего-то, ждал памяти, память не приходила, кажется, хлеб лежал здесь слишком долго, а может, его испекли неправильно.

Попробовал еще – второй хлебец тоже не дал мне памяти, третий даже не стал доедать. Это было странно, обычно хватало одного куска, чтобы вспомнить прошлое. Я посмотрел на хлебцы, лежащие на полках – да, кто-то пытался сохранить память, но не сохранил...

...вечно...

Сел в лодку, отчалил от берега – тут-то меня и проняло, сильно, больно, память взорвалась в голове, больно опалила сознание. Я уже не вспоминал – я видел все как наяву, видел Элл – тебя, моя Элл, видел его...

Его...

Он опустился на нашу землю со звезд – помню, как упало что-то с неба, большое, блестящее, рухнуло за холмы, и я сказал, что упала звезда, а ты, Элл, только покачала головой. Помню, как он вышел к нам – жуткий, белый, и шерсть у него была только на голове, густая и темная... Как он боялся нас, и кланялся нам, и клал перед нами блестящие предметы – чтобы задобрить меня, императора всей земли, и тебя, моя Элл.

Да, тогда я был императором – и я своими руками строил величественные города, которыми правил...

Помню, как впустил его в дом – жуткого странника, помню, как ты, Элл, показывала ему на кувшин с водой и говорила – кувшин, кувшин, и он называл этот кувшин как-то по-своему,

это было смешно. Помню, как мы говорили с ним, и он все сетовал на какой-то двигатель, его бы подлатать, у вас металл есть, мне много не надо, пару деталей... да, я покажу каких... что, сможете в кузнице выковать? Вот это здорово... Да откуда... издалека... вон, видите светлое пятнышко в небе? Во-он, над холмами... а, это и есть Млечный Путь... а Солнце вы не увидите издалека, а Землю и подавно не увидите... А хорошо у вас тут. Воздух какой-то... цветами пахнет. А можно снимочек на память? Да это не больно... хоть своим покажу, какие вы здесь... темные, шерстяные, ушки на макушке...

Я помню это, Элл.

И другое я помню. Как пришел в дом, волоча за собой с мельницы мешок муки, чтобы ты замесила тесто, чтобы испекла лепешки на ужин. Как вошел в наши покои, и увидел тебя, моя Элл, и его в твоих объятиях. Это я помню... и как обнажил свой меч, и как пронзил им твою грудь, Элл – я тоже помню...

Я хотел убить и его – он оказался проворнее, он как будто ждал нападения. Помню, как он выпрыгнул в окно, как только не разбился, как я гнался за ним по лесу – его светлые одежды мелькали в зарослях, когда я добрался до плато, его машина уже взмыла в небо и вспыхнула ярким пламенем.

Кажется, он сгорел там, в небе.

Хочется верить, что он сгорел...

Все это я вспомнил только сейчас – вернее не вспомнил, память накатила на меня, как магма раскаленного вулкана – и я не мог отбиться...

Память...

А я еще думал, что такого страшного может храниться там – вечно...

... третий месяц хожу по городам сам не свой, ищу что-то – сам не знаю, что. Нужно что-то делать – пахать и сеять, ловить рыбу и запастись хворостом на долгую зиму – и я не делаю ничего, я не знаю – зачем.

Снова вспоминаю, как в тот же вечер строил гробницу для тебя, моя Элл. Снова вспоминаю, как из муки испек хлебцы, и запек в них свою память – чтобы не вспоминать, не страдать от боли. Я хотел запечь в хлебец и память о тебе, моя элл – но не мог, без тебя я перестал бы быть собой...

Тогда я бросил власть, я ушел из нашего города – не как император, а как простой человек. Я спрятал свою память в башне на островке, и выстроил на зеленом холме твою усыпальницу, Элл...

Боль... боль... боль....

Уже не боль утраты – боль чего-то большего, чем может вынести душа.

Хожу по городам, ищу архив – еще один архив с надписью ХРАНИТЬ ВЕЧНО.

Потому что – я спрятал память о том вечере, и, побоявшись чего-то, спрятал память о том, как можно спрятать память: вот так же запек рецепт в хлебец и положил его в какой-то башне в каком-то городе.

И не помню – в каком...

Ищу рецепт – чтобы снова запечь память о тебе, Элл, и о том, как занес свой меч над тобой, Элл. Запечь – и хранить вечно ту боль, которая никуда не уйдет, которая навсегда останется со мной, как бы я ее не прятал.

Занавес

Цокают каблочки.

Этот звук ни с чем не спутаешь, цокают в переулке каблочки, все сжимается внутри, в джинсах становится жарко-жарко, знаю этот жар, хорошо знаю, еще с того, с первого раза, когда там, с Альфией, еще там, в степи, в безымянной деревушке, в холодном бараке...

Цокают каблочки. Кровь ударяет в голову, горячая, жгучая, кажется, вот-вот разорвет голову, брызнет фонтаном... схожу с ума, с ума схожу, да сойдешь тут с ума, когда я последний раз... не помню, когда я последний раз, в этом городе не то, что последний раз забудешь, тут самого себя забудешь, потеряешь в переходах метро, в переулках, на базарах, в море огней...

Выныривает из темноты, вон она, полуодетая, все они здесь полуодетые, лицо открыто, выкрашено чем-то ярким, манящим, перебирает голыми ногами, что ты делаешь со мной, исчадьё шайтана, что ж ты со мной делаешь... Сама хороша, все они здесь хороши, глазками стреляет, только и ждет, кто бы ее...

Кровь разрывает тело, бьется, пульсирует, ищет выход.

Видит меня, ускоряет шаг, вр-решь, не уйдешь...

Зажимаю ей рот, ты еще каблуками поотбивайся, коза ты драная, кидаю на асфальт, прижимаю к земле, лица она моего не видит, не видит, черта с два потом опознает, они вообще лица не различают...

Кровь колотит в голову, сильнее, сильнее, это не я, это кровь, кровь, кровь моя во мне говорит, ничего не слышу, кроме грохота крови, ничего, ничего...

– Ты чё делаешь, охренел?

Голос сзади, кто-то со всего размаху бьет по ребрам, а-ах, ты так, получай... Выхватываю верный свой кинжал, кто-то сжимает мою руку, кто-то вонзает мое же лезвие мне в грудь...

– Стоп, стоп, стоп...

Режиссёр хлопает в ладоши. Я так и знал, не понравится, и черт его пойми, что ему не так, кинжалом не так взмахнул или девку не так завалил...

– Нет. Не пойдёт.

– А... как надо?

Спрашиваю на всякий случай. Уже знаю, не ответит, он никогда не отвечает, делает вид, что не услышал, не увидел, что меня вообще тут нет.

– Не пойдёт... не пойдёт...

Сокрушается так, будто я невесть что натворил. Ну да, натворил, конечно, так что ж теперь...

– Может... по-другому попробуем? – спрашиваю с надеждой.

– Ну давайте... по-другому...

Выныриваю из метро, из толкучки, из давки, чего они все туда набились, мёдом, что ли, намазано... А я чего туда набился, чего я, того же и они все... В переходе полиция столпилась вокруг бомжа, вон он лежит, скукоженный, все верно, у нас про бомжей вспоминают только когда они умирают...

Все еще не могу привыкнуть к многоголосой толпе, к суете, к людям, откуда их столько... сколько их, куда их гонят, что так жалобно поют...

Ничего, живут же как-то люди... Есть ли жизнь после армии... Оказывается, есть, еще надо разобраться, какая, что, к чему... куда и зачем.

Сворачиваю в проулок, я здесь какой-то чужой в толпе, все спешат, все опаздывают, мне одному спешить и опаздывать некуда... Надо бы устроиться куда-нибудь, хоть куда-нибудь, просто неприлично в этом городе никуда не спешить и никуда не опаздывать...

Иду в проулок, поскользываюсь на слякоти, ай-й, с-суки, опять своей соли понасыпали, в глотку бы вам этой соли насыпать... В проулке что-то шевелится, пьяные, что ли... нет, парочка, он и она, совсем уже... а чего в проулке-то, давайте сразу на Красной Площади... Уже хочу свернуть куда подальше, девчонка отчаянно брыкается...

Вот, блин...

Вот оно что...

Уже не я ору, уже что-то во мне орет,

– Ты чё делаешь, охренел?

И не я бью, нога на автомате впечатывается ему в рёбра, ага, подскочил, очи черные, очи страстные... И не я вижу нож, рука сама выворачивает ему руку, прихожу в себя, когда лезвие уже вонзается ему в грудь...

Ай-й-й, молодец, сержант, зря я его в унитазе утопить мечтал, хорошо натаскал нас...

Оборачиваюсь. Стадо парней смотрит на меня, ну то вытарашились, да, убил его, убил, а видели, что сделал... девчонка поднимается с асфальта, бормочет что-то про милицию...

– Это он её? – спрашивает здоровый качок с мутными глазами.

– Он...

– Охренели...

– Вообще...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.